

Юлиан Семенов

ТАСС УПОЛНОМОЧЕН ЗАЯВИТЬ

КОЛЛЕКЦИЯ
Военных
Приключений

Коллекция военных приключений

Юлиан Семенов

ТАСС уполномочен заявить...

«ВЕЧЕ»

1979

Семенов Ю. С.

ТАСС уполномочен заявить... / Ю. С. Семенов — «ВЕЧЕ»,
1979 — (Коллекция военных приключений)

ISBN 978-5-4484-7875-8

Роман «ТАСС уполномочен заявить...» написан на документальной основе. Лихо закрученный сюжет не оставит равнодушным ни одного любителя детективов. Советские разведчики должны срочно выявить агента ЦРУ, живущего в Москве и работающего в учреждении, куда поступает вся информация по «африканскому узлу». От оперативности их работы зависят судьбы не только отдельных людей, но и целого африканского государства...

ISBN 978-5-4484-7875-8

© Семенов Ю. С., 1979

© ВЕЧЕ, 1979

Содержание

Штрих к «ВПК»[1] (I)	6
Степанов	8
Темп	13
Славин	14
Константинов	18
Константинов	21
Славин	24
Константинов	28
Славин	33
Константинов	39
Славин	43
Константинов	51
Глэбб	58
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Юлиан Семенов

ТАСС уполномочен заявить...

© Семёнов Ю.С., наследники, 2015

© ООО «Издательство «Вече», 2015

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2019

Сайт издательства www.veche.ru

Штрих к «ВПК»¹ (I)

– Видите ли, Майкл, – задумчиво сказал Нелсон Грин, наблюдая за тем, как внуки кувыр-кались в бассейне, выложенном красным туфом, привезенным из Турции, – всякое ощущение верно, как ощущение. Другое дело – суждение об ощущении. Оно может быть истинным или ложным... Я запомнил лекцию профессора Митчела, вы еще тогда были ребенком, а не заместителем директора центрального разведывательного управления... Митчел говорил, что если весло, погруженное в воду, кажется сломанным, то ощущение в этом случае верно, поскольку наблюдающий испытывает именно это ощущение. Но если в силу этого он станет утверждать, что весло действительно сломано, то суждение окажется ложным... Ошибки людские, дорогой Майкл, заключаются не в ложных ощущениях – бог с ними, с ощущениями, – а в ложном суждении...

Нелсон Грин прищурился, глаза его, маленькие, словно капельки воды, были спрятаны под седыми бровями; на заседаниях Наблюдательного совета его корпорации «Ворлд’з дайамондс» секретари и стенографисты никак не могли понять – смотрит старик или спит с открытыми глазами.

Майкл Вэлш улыбнулся:

– Значит, мое ощущение, что земляника, которую нам сейчас давали, пахнет травами Техаса, верно?

– Это не ощущение. Это суждение, Майкл, и суждение ложное. Земляника, которую нам давали, не может пахнуть травами Техаса, там еще холодно; она пахнет Африкой, мне теперь приходится гонять самолет не в Нагонию, а в Луисбург, а это плохо, потому что земляника там дороже на сорок семь центов и расстояние на сто девяносто два километра дальше, это лишнее горючее, а оно стоит денег.

– Не разоритесь? – спросил Вэлш.

– Могу, – в тон ему ответил Грин. – Крах начинается с цента, а не с миллиона.

– В какой мере вы можете подействовать на Пентагон?

Грин отхлебнул глоток жасминного чая, спросил насмешливо:

– Вы имеете в виду доставку земляники на их транспортных самолетах? Думаю, подействовать можно. Но подо что? Есть идеи?

– Есть. Но мне необходима поддержка Пентагона.

– Этот вопрос мы решим. А государственный департамент? С ними обсудили ваши соображения?

– Рано. Их надо включать в последнюю очередь, иначе возможна утечка информации. Наши дипломаты стали много пить... Профессиональная болезнь – цирроз печени, я исследовал заключения врачей, выборочно, по трем нашим посольствам: семьдесят процентов чиновников – хронические печеночники...

– Не хитрите, Майкл, не надо. Вы прекрасно знаете, что мои интересы небезразличны нескольким славным парням из государственного департамента; если я потерял в Нагонии что-то около трехсот миллионов, то они расстались с парой сотен тысяч, а для них и это – деньги...

– Нелсон, поверьте, государственный департамент сейчас включать еще рано. Если мы сделаем то, что планируется...

– Не спорьте со стариком, – перебил Грин. – Посол по особым поручениям мой акционер, и он будет говорить то, что ему напишут в моем секретариате. Не отказывайтесь, Майкл, это неразумно. Лучше скажите-ка мне, что у вас за наметки, быть может, я смогу вам пригодиться – хотя бы в качестве советника.

¹ «ВПК» – Военно-промышленный комплекс.

– Наметки занятные. У нас есть агент в Москве. Весьма информированная личность. Следовательно, мы планируем не *в темноте*, мы имеем возможность рассчитывать свой ход, зная возможный встречный ход Кремля. Понимаете? Такого агента у нас еще ни разу не было, Нелсон, поэтому я убежден в успехе.

– Постучите по дереву.

Вэлш постучал пальцем по голове.

– Лучшая порода, – сказал он. – Словно кедр... Так вот, поскольку мы имеем такого человека, удар надо нанести как можно раньше, мы всегда проигрывали оттого, что были лишены *суждений* – сплошные ощущения.

– Неплохо вывернули, – заметил Грин. – Во всем люблю законченность, а высшая форма законченности – круг. Что я должен обговорить с Пентагоном?

– Необходимо, чтобы флот был передислоцирован к берегам Нагонии в тот день и час, когда начнется наша операция. Необходимо, чтобы авиация была готова к переброске туда десанта – тысяча человек, не более того, зеленые береты умеют работать четко и точно. Это все.

– Если я понял вас правильно, вы вводите флот и авиацию на последнем этапе? Акция устрашения, так?

– Так.

– Посол по особым поручениям, в котором заинтересован я *лично*, будет включен немедленно?

– Я бы не хотел этого, Нелсон, но если вы настаиваете...

– Спасибо. Когда это может произойти?

– Через две-три недели.

– Администрация финансирует предприятие?

– Вы же знаете их – крохоборы.

– Что ж, я готов купить акции ЦРУ миллиона на полтора, – усмехнулся Нелсон Грин. – Даже на два: слишком явной становится тенденция на сотрудничество с Кремлем. Вена... ОСВ-2... Так что полагаю, ударить в Нагонии – целесообразно. Хотите еще земляники?

– С удовольствием. Только нагонийская мне нравится больше – а *propos*...

Степанов

«Джордж Гриси на фотографиях кажется очень высоким – это неправда. Он небольшого роста, очень худощав, но, несмотря на это, малоподвижен – голову поворачивает осторожно, словно опасаясь увидеть что-то жуткое.

Когда я сказал ему об этом впечатлении, Джордж Гриси медленно, преодолевая неведомую и невидимую тяжесть, ответил:

– У вас правильное впечатление, потому что я только год как снова научился ходить. Всякое резкое движение не просто приносит мне боль, – я боюсь свалиться в госпиталь, а по нынешним временам я не имею на это права.

И он рассказал мне, отчего всего лишь год назад снова научился ходить.

– Во время партизанской войны, когда победа народа ни у кого уже не вызывала сомнений – мы наступали на столицу стремительно, – епископ Фернандес прислал мне письмо: он предложил встретиться в моей родной деревне, он готов был приехать туда один, в любое время, и попробовать договориться о поэтапной передаче нам власти.

Мы обсудили этот вопрос на заседании Бюро: все-таки Фернандес раньше занимал позицию нейтралитета, а это не совсем достойная позиция для служителя церкви Христовой, которая призвана быть на стороне бесправных и обиженных. Тем не менее я настоял на встрече: мне казалось, что Фернандес должен помнить о своем детстве, о том, как и ему пришлось испить чашу унижений, пока миссионеры не увезли его, маленького негртенка, в Рим.

Мой брат Хулио поднял батальон охраны и передислоцировал его к месту встречи – мы понимали, что колонизаторы знают об этом послании, от них можно ждать всего, даже если учесть, что Фернандес был честен в своем желании добиться мира.

Он и был честен, как оказалось.

Но в мою деревню – ночью, часа за два перед тем, как из джунглей вышел батальон Хулио, – высадились командос. Они собрали всех жителей, спросили, кто самый маленький, им назвали новорожденную Роситу, и они прокололи ее штыком на глазах у людей. Потом они увели половину жителей в лес, а оставшимся сказали, что, если те промолвят хоть слово о том, что они – рядом, все семьдесят заложников будут убиты.

“Примите тех, кто придет к вам, – сказали они, – дайте им поговорить, дайте им разойтись, тогда мы вернем ваших людей в целостности и сохранности. Если нарушите приказ и признаетесь, что мы здесь были, переколотим всех – вы видели сами, мы умеем это делать, младенцу не больно, он еще ничего не понимает...”

Тогда мать Роситы закричала, что ребенок все чувствует, но они заткнули ей рот, пробили грудь коротким острым штыком, а людей увели в джунгли.

Когда Хулио пришел из джунглей, он не стал выставлять посты в деревне, потому что Фернандес предупредил: “Власти гарантируют безопасность нашей встречи, если ваши войска останутся на своих позициях, только в этом случае они пропустят меня через кордоны на дорогах”.

Понятно, что вся моя семья, все, даже дальние родственники, были среди заложников. Наивные люди полагали, что, выполнив приказ колонизаторов – молчите и мы вернем ваших, – они сохранят жизнь моим детям, матери и сестре. Что делать, наши люди добры и запуганы, а обет молчания был подкреплён кровью маленькой Роситы и ее матери.

Да, я понимаю, вы проецируете нашу ситуацию на историю вашей войны, но учтите, пожалуйста: люди в России к тому времени были грамотны, читали книги, смотрели фильмы, следовательно, умели отличать белое от черного. Ваши люди прошли школу патриотизма – за ними был опыт труда и борьбы. А что вы хотите от моего народа, который никогда не знал, что такое *государство*, свое государство?!

Словом, пришел Фернандес, мы с ним встретились, и все шло нормально. Его предложения могли бы стать основой для переговоров. Мы выработали совместную декларацию – он и я, и никого больше, он ведь сам просил об этом, а потом в деревню тихо *вползли* командос. Я даже не имел оружия – как же не верить епископу, ведь его условием были *мирные* переговоры.

... Сначала они начали пытаться Фернандеса. Они требовали от него одного лишь признания: “Я получал деньги от коммунистов, и они приказывали мне призывать народ к междоусобице и непослушанию”. Он отверг их подачку – жизнь, он достойно держал себя, епископ Фернандес, несмотря на то что они жгли ему ступни углями и втыкали раскаленные иглы под ногти.

Потом они принялись за меня. Они связали мне руки и ноги и подвесили к дереву – я был словно ныряльщик, сиганувший со скалы в море. Но я был очень сильный, и я бы выдержал эту пытку, которую они называют “ласточка”, и они поняли, что я могу долго держаться. Тогда они привели мою мать, раздели ее и сказали, что сожгут сейчас же, на моих глазах, если я не отрекусь от моего дела и не расскажу, по какой дороге в джунглях можно подойти к нашему штабу. Я не мог сказать им, вы должны понять меня. Я молчал. Когда они повалили маму и облили ее бензином, я сказал, что каждый из них поплатится жизнью за это злодеяние. Я предложил им казнить меня самой страшной казнью – ведь я же ваш враг, а не старая женщина. Они ответили, что старуха родила бандитов без сердца, раз сын готов принести мать в жертву своим бредовым идеям. Когда они бросили на маму спичку, я стал биться и кричать, а мама просила меня: “Сынок, сынок, ты же ломаешь себя, сынок, не надо!”

Джордж Грисо медленно поднялся из-за стола, подошел к шкафу, открыл его, достал несколько фотографий.

– Вот, – сказал он, – посмотрите, это моя мама. Ее сфотографировали в старости уже. Когда она была молодой, мы не знали, что такое фотоаппарат, мы впервые увидели карточки только лет десять назад. Посмотрите, а я пока позвоню по телефону...

(Не нужно было Грисо звонить по телефону. Просто он не мог дальше говорить, да и мне, признаться, невмоготу было слушать дальше.)

– Я все-таки хочу дорассказать, – откашлявшись, продолжил Грисо. – Это очень важно – рассказать все, потому что тогда, быть может, люди в других странах поймут, отчего мы дрались семь лет, теряя братьев, отцов и матерей, и почему мы сейчас будем драться – до последнего. Мы слишком много приняли за нашу свободу, чтобы легко и без смертельного боя отдать ее. Я хочу, чтобы об этом знали все, – вот почему я обязан рассказать вам...

Он закурил, отхлебнул воды и продолжил:

– Потом они привели моего сына, Валерио. Они и его раздели, вернее, не раздели, а сорвали с него рубашку, а это был мой подарок мальчику, и он очень гордился этой рубашкой хаки, перешитой из куртки моей жены. Он очень кричал, он тянул ко мне руки и повторял: “Папочка, спаси меня! Спаси же меня, папочка!”

Епископ Фернандес проклял палачей, и тогда один из командос разрядил в него обойму автомата. А другой пробил голову Валерио прикладом, облил его – бездыханного уже – бензином и, опустившись на колени, щелкнул зажигалкой.

Хулио услышал очередь. Он ринулся в деревню. Последнее, что я помнил, это автомат, направленный мне в живот. Командос щекотал меня автоматом, он водил им по коже, как травинкой, и все время повторял: “Ну посмейся же, посмейся, Джордж, ты так весело смеешься, очкастый”. А потом он нажал на курок, и я очнулся лишь через два месяца в госпитале. А через три месяца партизаны вошли в Нагонию. Вот потому-то я так медленно поворачиваюсь и с таким трудом хожу. Обидно, конечно, в тридцать шесть лет быть инвалидом, но стрелять я умею по-прежнему, и по-прежнему перо слушается меня.

Он добро улыбнулся горькой, несколько отстраненной улыбкой человека, познавшего смерть, и закончил:

– Я готов ответить на все ваши вопросы, касающиеся ситуации в стране, но только сделаем мы это на следующей неделе: сейчас я улетаю на границу, Огано подтянул туда все свои банды, вопрос нашей государственности, то есть вопрос будущего, сейчас будет решаться на поле боя. Мне кажется, никакие силы не остановят Марио Огано, за которым стоят ЦРУ и Пекин, от удара по нашей родине. Мне кажется, что *парламентский* исход невозможен. Я тем не менее готов пойти на переговоры с ним, и опять без оружия. Я пойду на переговоры с ним спокойно, потому что убить он сможет только меня, а это совсем не страшно – погибну за родину. Простите за патетику, но я говорю то, что чувствую, всякое иное слово будет отдавать фальшью.

Спецкор Дмитрий Степанов, передано по телефону из Нагони.

Для редактора: прошу материал не резать – не надо щадить читателя изъятием описания того ужаса, который перенес Грисо. Если дать сто строк, выхолощенных и приглаженных, то лучше вообще не печатать. Вылетаю домой в следующую субботу. Привет всем. Д.С.».

...Посол прочитал репортаж Степанова и спросил его:

– Неужели рука поднимется резать?

– Еще как, Александр Алексеевич.

– Чем вы это объясните?

– Нашим характером. Мягкостью, что ли, а точнее – деликатностью. Но этакая деликатность порой хуже воровства... Вы передачи против алкоголиков видели по телевидению?

– Как-то не приходилось, Дмитрий Юрьевич.

– Советую посмотреть. Вместо того чтобы экранизировать Липатова, есть у него повесть «Серая мышь», история гибели таланта, или снять ленту о том, как умер Модест Мусоргский, мы гипнотизера на экран пускаем, зрители фокуса ждут, а фокуса нет, он же алкоголиков в клинике усыпляет, а потом – усыпляет ли, это еще надо доказать. Жесткое «нет» лучше расплывчатого «может быть»...

– Черт его знает... Пропаганда – одна из форм политики, – жестокость здесь штука опасная.

– Вы имеете в виду внешнюю политику? Согласен. Но я-то говорю о принципе, о том, что режут, чего боятся. Ладно, поплакался, и будет... Чего ждать, Александр Алексеевич?

– Грисо, боюсь, прав: на переговоры Огано не пойдет – ему не с чем идти, он же марионетка, он *сделан*. От него ждут только одного – путча. Весь вопрос в том – когда? Если бы Грисо имел хотя бы полгода в запасе – ему не страшен ни Огано, ни десять подобных Огано... Горький это, видимо, сюжет: нехватка времени; не человеку – стране... Тем не менее я что-то никак не возьму в толк американцев – по-моему, они глупят с Огано. Они здесь ведут себя как аналитики – в чистом виде: «треугольник – есть трехсторонняя фигура». И все. Но ведь это низшая ступень мышления, она не перспективна. Синтетическое мышление тем и отличается от здешнего, аналитического, что оно обязательно вводит некий атрибут, который хоть и не заключен в понятие о предмете, но тем не менее помогает предмет понять объемнее, *наперед*: «прямая – есть кратчайший путь между двумя точками»... Без этой философской азбуки они дров наломают. Чтоб им шире подумать, право слово?! Тогда б, глядишь, не затевали здесь драку. Так что репортаж обозначен дорогим моему сердцу синтезом: вы помогаете понять, отчего здесь будут стоять насмерть. Сказать априорно – ничего не сказать в наш век; победит тот, кто лучше информирует, а информация обязана идти не только из головы, но из сердца тоже... Когда собираетесь в Москву?

– В субботу, Александр Алексеевич... Но это не надолго, я управлюсь за три-четыре дня.

– У редактора будете?

– Непременно.

– Поклон от меня передайте. Я черкану ему письмо – в вашу поддержку, Дмитрий Юрьевич.

«Весьма секретно.

Москва, Кремль.

Правительство Республики Нагонии просит оказать срочную экономическую помощь. Мы окружены государствами, в которых прокитайские и проамериканские группировки объявили открыто об экономической блокаде. Существует угроза прямой военной агрессии. Если мы не получим советскую помощь – судьба нашей революции обречена.

Джордж Грисо, премьер-министр».

«Совершенно секретно.

Москва.

Ознакомившись с положением на месте, полагаю, что те три советника, которые прибыли вместе со мной, не смогут оказать действенной помощи, ибо колониализм оставил здесь в наследство абсолютное культурное безлюдье. Кадров инженеров, врачей, агрономов в Нагонии практически нет, не говоря уже об офицерах. Вылазки реакции повсеместны и ежечасны. Если мы намерены оказать помощь стране, где сорок процентов населения больны туберкулезом, семьдесят – трахомой, девяносто восемь процентов – неграмотно, тогда необходима срочная командировка сюда по крайней мере трехсот, пятисот советников, которые бы не сидели в нашем посольстве, а работали в порту, учили обращению с тракторами, оказали помощь в организации медицинской помощи. Размещать советников негде, потому что бывшие хозяева отелей вывели из строя всю канализацию, электростанция стоит, бензохранилища пусты.

Посол СССР в Нагонии А. Алешин».

«Совершенно секретно.

Пекин.

Русские начали переброску советников в Нагонию. Генерал Марио Огано по нашей рекомендации запросил военную помощь непосредственно в луйсбургском посольстве США. Работа по подготовке выступления портовых грузчиков с бойкотом разгрузки советских поставок продолжается и, видимо, даст ощутимые результаты в течение ближайших недель. На поддержку полковника Абабе из ВВС Нагонии, преданного нам, необходимо триста тысяч долларов.

Посол КНР в Нагонии Ду Ли».

«Центральному разведывательному управлению США.

Подготовка к операции “Факел” практически завершена. Однако по сведениям, поступившим из проверенных источников, можно предполагать, что создание воинских формирований Нагонии закончится значительно раньше намеченного нами выступления. В этом случае проведение операции может встретить ряд трудностей организационного характера, как-то: необходимость нашего десанта и введение спецподразделений. Наши источники предполагают также, что в ближайшее время русские поставят Нагонии большую партию грузовиков и сельскохозяйственной техники, что ощутимо повлияет на возможность поддерживать там состояние экономической неустойчивости. Учитывая стратегическую важность операции

“Факел”, полагал бы целесообразным спросить агента “Умный” о масштабе предстоящих русских поставок, что позволит нам уточнить характер нашей операции и сроки ее проведения.

Роберт Лоренс, резидент ЦРУ в Луисбурге.

Из выступления американского посла по особым поручениям:

– Социальная справедливость, демократия, правопорядок – лишь этого добиваются те патриоты Нагонии во главе с генералом Огано, которые ныне подвергаются бесчеловечному обращению со стороны правительства Гриси. Моя страна никогда не вмешивалась и не намерена вмешиваться во внутренние дела иных государств, однако я не могу не сказать с этой высокой трибуны, что общественность Соединенных Штатов внимательно следит за развитием событий в этой африканской стране. В то же время слухи, распространяемые в прессе стран советского блока о том, что якобы Соединенные Штаты имеют какие-то контакты с Пекином по проведению подрывной работы против нынешнего правительства Нагонии, лишены каких бы то ни было оснований и являются клеветническим вымыслом...

Темп

45225 66167 85441 96551 81713...

Константинов улыбнулся Панову из отдела дешифровки, тот положил перед ним таблицу.

– Сколько всего за этот месяц они ему передали?

– Совершенно невероятное количество – это четвертое. Но отчего так категорично – «ему»? Может, «ей».

– Жаль будет, коли «ей». Все равно расплата одинакова. Но уж больно мужские созвучия в цифрах – не находите?

– «Мужские созвучия в цифрах». Занятное определение. Между прочим, точное, товарищ генерал.

– Значит, полагаете, без ключа эти радиogramмы расшифровке не поддадутся?

– Вот, поглядите, – Панов положил на стол лист бумаги с таинственными точками, цифрами, тире.

– Похоже на ранних итальянских футуристов, – заметил Константинов, поднялся и отправился к себе – сегодня он дежурил по контрразведке. Суббота, можно поработать с бумагами, доделать все, что накопилось за неделю.

В кабинете на столе, в красной папке лежала последняя шифротелеграмма из Нагонии: сообщали, что сегодняшней ночью два советских специалиста были обстреляны сепаратистами из группы Огано; оба отправлены в госпиталь в тяжелом состоянии.

Лежала и синяя папка для особо важных документов, в ней – письмо из советского посольства в Нагонии.

Славин

– Драка может начаться в самое ближайшее время, – убежденно повторил Степанов. – И она будет страшной.

– Считаешь, что Огано пойдет напролом? – спросил Славин.

– У него нет другого выхода, Виталий.

– У его хозяев есть.

– Ты убежден, что они смогут его контролировать до конца?

– Абсолютно.

– А я – нет.

– Отчего?

– В тридцать третьем году магнаты верили, что смогут контролировать фюрера. А чем кончилось? Огано – африканский Гитлер.

– У Гитлера была сталь, медь, уголь. А что есть у Огано?

– Нагония – ключевая точка на юге Африки. Если он свалит Грисо, хозяевам придется *растоптаться* перед этим мерзавцем.

– А почему ты сорвался оттуда так скоропалительно?

– Сдавать фильм. Если будут какие-то поправки, надо срочно сделать, чтобы не держать копировальную фабрику...

– Получилась картина?

– По-моему – да. Послезавтра улетаю обратно.

– Завидую.

– Сказал «мастер кризисных ситуаций», – усмехнулся Степанов и откинулся на спинку стула.

Здесь, в Доме литераторов, было шумно; давали первую в этом году крошку: кто-то пустил слух, что дирекция ресторана заключила договор с «домжуром» и теперь станут завозить раков и хорошее бочковое пиво, поэтому оживление среди завсегдатаев было каким-то особым, алчным, что ли.

– Не заключили они договора, – поморщился Степанов и подвинул Славину салат. – Пльзенского пива не будет. И ростовских раков – тоже. В жизни надо довольствоваться тем, что имеешь.

– Снова брюзжишь?

– Нет. Правдоискательствую.

– Прими схиму, – посоветовал Славин. – Очень полезно для творческого человека.

– Ну да, – усмехнулся Степанов и разлил водку по рюмкам. – Схима – это самоограничение, а всякое ограничение, даже во имя свободы, есть форма кабалы.

– Энгельса не переспоришь, Митя: свобода – это осознанная необходимость; отлито в бронзу, дорогой, не трогай...

– Ты меня все еще принимаешь всерьез?

– Перестань писать книги – буду держать тебя за обыкновенного застольного бездельника...

– Не обещаю. Перестать писать – значит умереть, а я очень люблю жизнь.

– Слушай, а если я попрошу стакан вина?

– Но ведь водка – лучше.

– Умозрительно я это понимаю, Митя, только организм не приемлет. Водку я пью лишь в силу служебной необходимости.

– Ты – дисциплинированная ханжа?

Славин усмехнулся:

- Все нет. Теннисист я, Митя, теннисист.
- Слушай, Виталий, а тебя разозлить можно?
- Нельзя.
- Никогда?
- Никогда.
- Ты – самоуверенный человек.

– Уверенный, так бы я сформулировал, Митя, уверенный. А что касается ограничения и свободы, я вычитал хитрую концепцию у любопытного философа Бональда. Человек – по его версии – не свободен от рождения, и виною тому – природа, ибо она-то и есть главный наш ограничитель. Человек может стать свободным лишь в том случае, если прилагает к этому максимум усилий. Верно, а? Но занятен вывод: будьте энергичны, тогда вы сможете войти в торговую или строительную корпорацию и станете свободным благодаря тем правам, которые эта корпорация завоевала; служите своей корпорации – и вы скопите состояние; будьте набожны – и церковь станет помогать вам во всех начинаниях; сделавшись богатым и религиозным человеком, вы станете дворянином, а это дает высшие преимущества.

– Прекрасная схема. Приложима к карьеристам.

– Ты ползучий прагматик, Митя. Я не понимаю, отчего трудящиеся читают твои книги. Ты ведь не дослушал меня.

– Не тебя, но Бональда.

– Новое – это хорошо забытое старое. Если я сумел вспомнить, то, значит, именно я вернул современнику забытое старое. Сие – соавторство.

– Ишь ты!

– Так вот... Бональд прекрасно вывернул свою схему. Венец свободы, то есть дворянство, – суть защитный барьер того общества, которое мечтал создать Бональд. Раз ты дворянин, то, значит, бранный металл не должен тебя интересовать более. Дворянство останавливает энергичного плебея в его жажде к постоянному обогащению. Без этой преграды могла водвориться плутократия. Служа наградой за приобретение богатства, звание дворянина обязывает к самоограничению; дворянство – предел обогащения. Достигнув дворянства, к богатству следует относиться как к цели – понимаешь? Бональд занятно пугал общество: «Если вы уничтожите дворянство, тогда стремление энергичного плебея к обогащению не будет иметь ни цели, ни предела; целью будет богатство – само по себе. Тогда-то и появится аристократия. Аристократия, но не знать».

Степанов слушал с интересом, даже крошку отодвинул.

– Да ты ешь, Митя, ешь, – вздохнул Славин. – У литератора должен быть волчий аппетит.

– Если у литератора волчий аппетит, значит, он работает на бюро пропаганды, читает свои стихи и рассказы, а с писанием завязал. Знаешь, когда я в Испании рассказал коллегам, что у нас писателю платят за выступление, посылают в творческие командировки и дают бесплатные путевки в дома творчества, мне не поверили: «Красный ведет пропаганду, такого не может быть»... Так-то вот... Писатель должен страдать язвой, Виталий, мучиться от сердечной недостаточности и геморроя, тогда только он сможет оценить каторжную радость творчества.

– Я недавно с одним художником разговаривал, интереснейший парень, злощип, все крушит, как слон в лавке. Реставратор, иконами занимается... Мне, понимаешь, подарили иконопись на день рождения, и надо было ее реставрировать. Пришел художник, посмотрел, повздыхал, унес к себе и сделал блистательно. Я ему говорю, спасибо, мол, а почему бы вам иконописью не заняться, а он на дыбы, аж ошетинился: «Без веры нет иконописи». Как ты отнесешься к такому пассажиру?

– Ерунду он порет, этот реставратор. Иконопись – наше Возрождение. У нас была своя великая живопись – иконы. К ним так и следует относиться – национальное искусство. Вера, мне кажется, играла здесь подчиненную роль. В ту пору национальная идея была духом худож-

ников, потому как жили мы под игом. Отсюда, кстати говоря, особая роль русских монастырей. Они отличались от монастырей других стран своей исключительной ролью в сохранении национальной культуры.

– Не обрушивайся в национальный мистицизм, Митя, – снова усмехнулся Славин. – Слушай, кто эта женщина?

Степанов обернулся – высокая, большеглазая девушка стояла возле стойки и, обжигаясь, пила кофе из маленькой чашки, украшенной золотым вензелем «ЦДЛ».

– Не знаю.

– Красива, а?

– Очень.

– Как думаешь, сколько ей лет?

– Сейчас молодые вневозрастны. Это мы, пятидесятилетние, сразу очевидны – брюхо, лысина, усталость в глазах, а эти...

– Завидуешь?

– Да.

– А я – нет. Я горжусь возрастом. Прожить полвека – что орден получить, право... Так какая же разница между нашими монастырями и чужими?

– Пространственная. В Италии один монастырь отделен от другого на полста километров – как максимум. Наши – на тысячи удалены друг от друга, но хранили в себе ядро общенациональной идеи, некое состояние духа.

– По марксизму всегда пятерку получал?

– Всегда.

– Я тоже, только с тобою не согласен.

– Отчего так?

– Состояние – это слишком расплывчато. Состояние какого класса? Региона? Армии? Чиновничества? Крестьянства? Нельзя же все одной «миррой» мазать. Состояние Пугачева, Екатерины, пушкинского Гринева? Единая национальная идея всегда служит во благо какой-то одной группе, Митя, властвующей группе.

– Мы с тобой возвращаемся к проблеме схимы. Властвование, или, говоря иначе, ограничение, приложимое к понятию общества, служит гарантом государственности.

– А я разве спорю? Только я спрашиваю – какой государственности? Монархия пала – я имею в виду не только нашу – благодаря собственной слабости, хотя ведь тоже являла собою государственность. Наша свобода родилась на руинах вековой государственной идеи, замешанной на духе национальной исключительности. Да, да, так именно! Иностранцев-то в пух и прах костили. Ты говоришь, иконопись – следствие абсолютного покоя, ясности цели. Это – кризисный период, когда было нашествие, но ведь пики искусства – заметь себе – рождены состоянием переходным, длительным; война порождает блистательное искусство плаката; философия не может родиться под грохот канонады. Война – это желание выжить, чтобы продолжить бой завтра, мир – это когда живут, чтобы думать. Ум – основа индивидуальности, поскольку именно он создает личность. Просто-напросто Россия поры Рублева и Феофана Грека дала миру больше индивидуальностей, чем в последующие времена, видимо, в этом отгадка. И смешно требовать от природы, чтобы она все делила поровну. Я, знаешь, со стороны смотрю на наше кино: все от него требуют шедевров – вынь, не грехи! А ведь это смешно! Когда кино было в новинку, родились Чаплин, Эйзенштейн, Клер, Васильевы, Довженко, Хичкок, но ведь потом оно стало бытом, оно же теперь телевизором стало, Митя! Значит, надо ждать нового накопления неведомых качеств – тогда-то и свершится новая революция в кино. И потом: даже в начале кино дало двадцать, ну тридцать шедевров, а ведь сейчас это индустрия, поток, план! Как же от потока требовать качеств Ренессанса? Надо отойти в сторону, поглядеть со стороны, и тогда поймешь, что и сейчас есть Годар, Курасава, Крамер, Феллини, Тарковский, Питер Устинов,

Антониони, Абуладзе, Никита Михалков, наконец. И – хватит! Нельзя больше, и так слишком щедро!

– Ты что опровергаешь, понять не могу?

– Ты не можешь понять, оттого что на себя настроен. Слушай, а кто этот старик?

– Наш вахтер, дядя Миня.

– У него лицо Христа.

– А он и есть. Раньше на бегах, кстати, играл.

– Значит, и ты не отчаивайся – путь к святости лежит через грех... Мороженым уго-
стишь?

– Угощу.

Степанов обернулся, поискал глазами официантку Беллочку; в это время в маленький зал, переоборудованный из веранды, заглянул администратор.

– Тут нет товарища Славина? – спросил он. – Срочно зовут к телефону.

– Мороженое не получится, – сказал Славин. – Будь здоров, Митяй.

Константинов

Константинов сострадающе посмотрел на вошедшего Славина и сказал утвердительно:

– Костите за то, что я раскопал вас?

– Конечно.

– Не сердитесь. Вот, почитайте-ка, – Константинов протянул письмо из Луисбурга. – Пришло только что.

– Сигнал о предстоящей высадке инопланетян в район военного объекта? – усмехнулся Славин, доставая очки. – Или данные о похолодании на солнце?

– При вашей приверженности глобальным схемам это сообщение не представляет интереса...

Славин, стремительно прочитав письмо, поднял глаза; кожа на лысой, яйцеобразной голове собралась морщинками на макушке, что бывало в моменты острые, когда надо было принимать немедленное решение.

Посмотрел на Константинова вопрошающе.

– Вслух, – сказал тот. – Давайте-ка я прочитаю еще раз – вслух.

Константинов медленно надел очки в толстой оправе; лицо его – как ни странно – делалось еще более молодым (когда ему дали генерала, ветераны шутили: «Сорок пять лет – не генеральский возраст по нынешнему времени, мальчик еще, это только в наши годы звезду давали в тридцать»); начал читать:

– «В декабре прошлого года в номере “Хилтона” в Луисбурге два американца, один из которых есть Джон, договаривались с русским, как вести работу с Москвой и передавать сведения про какого-то “соседа”. У русского рожа сытая и говорит он хорошо по-португальски и по-английскому, сука е... Пусть погибну за это письмо, но молчать дальше мочи нет».

Константинов посмотрел на Славина – в глазах у него метался смех.

– Ну, – заключил он, – вы готовы к комментарию, Виталий Всеволодович?

– Писал русский – это очевидно.

– В чем вы узрели очевидность?

– Хорошо определена «сука».

– Вы считаете, что ЦРУ – если они затеяли какую-то игру – не могло обратиться за консультацией к филологам?

Славин засмеялся:

– Те, кто готовит переиздание «Толкового словаря» Даля, избегают контактов: боятся ОБХСС – каждый том на черном рынке стоит сто рублей. А только у Даля есть научное определение нашего мата. Нет, а почему вы так веселитесь?

– Потому что я решил рискнуть.

– Чем?

Константинов подвинул лист бумаги, вывел жирную единицу, обвел ее кружком, поднял глаза на Славина:

– Давайте начнем с самого начала... Идут радиопередачи на Москву неустановленному агенту, идут часто, в последнее время – особенно часто. Расшифровке, понятное дело, не поддаются. Предположения нашего Панова так и остаются предположениями, не более того, читать мы их не можем. Спросим, однако, себя: где сейчас наиболее горячая точка в мире?

– Пожалуй, Нагония, нет?

– Согласен. Следовательно, если это письмо – не игра, не попытка скомпрометировать кого-то из наших людей, работающих в Луисбурге, тогда зададим себе еще один вопрос: где наиболее сильны позиции ЦРУ в Африке?

– Именно в Луисбурге.

Константинов Повторил:

– В Луисбурге, совершенно верно. А в скольких километрах от границы с Нагонией находится Луисбург?

– В семидесяти.

– Так.

Константинов написал цифру «два» и обвел ее еще более жирной чертой.

– Теперь давайте рассмотрим третью позицию, – сказал он. – Допустим, что все убыстряющаяся *лихорадочность* радиограмм из европейского разведцентра ЦРУ связана с обострением ситуации в Нагонии. Допустим, ладно?

– Допустим, – согласился Славин.

– Значит, если мы решим рискнуть и остановимся на том, что ЦРУ интересуется не столько Луисбург, сколько «сосед», то есть Нагония, то, следовательно, они там затевают нечто сугубо серьезное?

– Я согласен на такого рода допуск, хотя убежден, риск тут есть.

– Хорошо. Уговорились. Рисуем, останавливаемся на том, что ЦРУ готовит нечто в Нагонии и поэтому так теребит своего агента в Москве. В Нагонии раньше стояли баллистические ракеты с ядерными боеголовками, направленные на нас с вами. Теперь их нет там. Потеря Нагонии для НАТО, таким образом, удар сокрушительный. Они, полагаю, готовы на все, чтобы вернуть Нагонию.

Константинов смотрел на Славина внимательно, выжидающе, и в его глазах улыбки уже не было.

– Теперь надо думать, что же они готовят в Нагонии? – сказал Славин.

– А я сейчас думаю об *уровне* агента ЦРУ. Вы понимаете, *каков* его уровень, если он задействован ЦРУ в связи с их внешнеполитической акцией? Вы же понимаете всю серьезность их «африканского удара». Очередная попытка ястребов рассорить американцев с нами, помешать разрядке, создать новый кризис, поставить мир на грань катастрофы. Кому это выгодно? Американцам? Нет. Нам? Тем более. Военным промышленникам? Да. ЦРУ? Бесспорно. Значит, следуя такого рода допуску, автор письма из Луисбурга прав? Значит, ЦРУ начинает *свою* очередную операцию? Значит, ЦРУ завербовало кого-то из наших в «Хилтоне»? И этот человек вернулся в Москву? И имеет допуск к секретным документам. Где? В каком министерстве?

Константинов достал из кармана пиджака сигару, снял целлофан, медленно, смакуя, раскурил ее и, сделав тяжелую горько-сладкую затяжку, заключил:

– Следовательно, надобно решить вопрос: на чем мы сможем поймать шпиона? На сборе информации? Или на передаче ее? Работает сеть? Или шпион действует в одиночку?

– Видимо, стоит начать с проверки кое-кого, кто работал в Луисбурге?

– Но если допустить *сеть*, то следует проверить и тех, кто работает там поныне. А потом отбросить всех, кто не имеет допуска к особо секретным документам. И сосредоточиться на людях, которые много *знают* – и здесь и там.

– Но радиограммы идут на Москву, Константин Иванович. Какой смысл отправлять сюда радиограммы, если их агент сидит в Луисбурге?

– Значит, вы исключаете версию *сети*? Допустим, что наметку информации ЦРУ получает в Луисбурге, а подтверждения требует от своего человека в Москве. Такую возможность вы отвергаете?

– Нет, – ответил Славин задумчиво, – не отвергаю...

Константинов снял трубку, набрал номер телефона генерал-лейтенанта Федорова.

– Петр Георгиевич, – сказал он, – мы тут со Славиним сидим над новой радиограммой. И письмом. Занятым письмом. Доложить в понедельник или... Хорошо. Ждем.

Константинов положил трубку:

– «Пэ Гэ» выезжает с дачи. Вызывайте ваших людей, будем готовить предложения. И давайте возбуждать уголовное дело. Свяжитесь с прокуратурой. Пока все.

Константинов

За завтраком Лида, жена Константинова, посмотрела на него вопрошающе и чуть обиженно – после того уж, как он созвонился со Славиним и назначил время на корте: семь сорок пять.

Заметив, *как* Лида поднялась со стула, Константинов улыбнулся ей ласково, чуть иронично, с тем изначальным пониманием «что есть что», которое подчас злит, но всегда понуждает относиться друг к другу уважительно, не соскальзывая в бытовщину, убивающую любовь в браке.

Лида принесла кофе, подвинула мужу сыр.

– Хочешь печенья? У нас есть «Овсяное»...

– Ни в коем случае. Сколько в нем калорий? Много. А я не вправе обижать тебя ранним ожирением.

– Ранним? – она улыбнулась. – Что будет с человечеством, когда средняя продолжительность жизни приблизится к двумстам годам?

Константинов допил кофе, отставил чашку; Лида поняла, что он сейчас *собирается* – за двадцать лет, прожитых вместе, человека узнаешь – не по слову даже, а по его *предтече*.

Он, в свою очередь, тоже понял, что она сейчас поднимется, положил поэтому руку на ее пальцы и сказал:

– Я помню. Ты станешь записывать или запомнишь?

– Неужели успел?

– Конечно. Так вот, Лидуша, рукопись никуда не годится. Это – унылая литература, а, как говорили великие, любая литература имеет право на существование, кроме скучной.

– Это азбука, Костя, я обратилась к тебе, чтобы ты помог мне мотивировать отказ.

– А ты вправе отказать ему?

– То есть? Конечно, вправе.

– Это очень плохо, если «конечно». Я, признаться, боюсь такого рода неограниченной власти редактора. А что, коли твой автор повесится? Или ты не разглядела гения?

– Мы же смотрели вдвоем.

– Я – дилетант. Читатель.

– Самая, кстати, трудная профессия. И потом нынешний читатель куда честнее некоторых критиков. Те пытаются угадать, кого похвалить, а кого лягнуть, но угадывают не в читальных залах и книжных магазинах, а...

– Очень плохо.

– Костя, родной, я лучше тебя знаю, как это плохо, поэтому и попросила тебя прочесть эту рукопись.

Константинов пожал плечами:

– Каноническая схема, а не литература; плохой директор, хороший парторг; новатор, которого поначалу затюкали, а потом орден дали, один пьяница на весь цех... Зачем врать-то? Будь в каждом цеху только один пьяница, я бы в церкви свечки ставил. Всякое желание понравиться – кому бы то ни было – есть форма неискренности. А потом спохватимся, начнем ахать: «Откуда появились новые лакировщики?!» Разве кто-либо понуждал твоего автора писать ложь? Расталкивает локтями, к литературному пирогу лезет – нельзя же так спекулировать, право... Настоящая литература – это когда человек изливает душу; а если так – то и работы его не видно. А здесь какая-то эклектика: и драматург, и спорщик, и рассказчик, и оратор. И к каждому этому профессиональному качеству можно приложить одно лишь определение – «посредственный». В наш век информационного взрыва нельзя быть эгоцентриком, идеи в воздухе носятся, или уж быть надобно гениальным эгоцентриком.

- Ты пролистал рецензии мэтров на его рукопись?
- Прочитал. Ну и что? Эти меценаты потом, глядишь, и в газетах выступят, а книгу отправят на макулатуру, но и это полбеда; главная беда в том, что может появиться некая девальвация литературной правды, а сие – тревожно. Мне так, во всяком случае, кажется.
- Про такое заключение мне бы сказали: «разнос», Костя.
- Правильно. Зачем же литературу превращать в парламент: «Ты – мне; я – тебе, наша коалиция сильнее». Не надо так, это же самопожирание литературного процесса.
- У меня появится много врагов, если выступлю так резко.
- Что ж, свою позицию надо уметь отстаивать. Я бы на компромисс не шел. Еще вопросы есть? – он улыбнулся. – Спасибо, я поехал проигрывать Славину.

- ...Славин опоздал на пять минут; Константинов, тренируясь у стенки, заметил:
- Точность – вежливость королей, Виталий Всеволодович.
 - Так я ж не король, Константин Иванович, я всего лишь полковник, мне и опоздать можно... Затор был на Кутузовском.
- Когда они менялись местами на корте, Славин задумчиво сказал:
- Знаете, на какие мысли навел меня этот затор?
 - Вы хотите меня заговорить, чтобы обыграть всухую?
 - Конечно. Но думал я действительно о том, как скорость века меняет психологию. Раньше-то наш ОРУД незамедлительно реагировал на минимальное превышение скорости, как матадор реагировал, а сейчас гонят шоферов: «Проезжай!», на осевую пускают, только б не затор, то есть потеря времени. Мне это очень нравится. А вам?
 - В часы пик гонят, а попробуйте-ка превысить скорость днем – матадорская хватка осталась прежней. До изменения психологии семь верст до небес и все лесом. Подавайте!

– Итак, подытоживаю. – Константинов спрятал очки в карман и, откинувшись на спинку кресла, оглядел контрразведчиков, вызванных им на совещание, – Славина, Гмырю, Трухина, Проскурина, Коновалова. – Работу по выявлению агента, к которому обращены радиопередачи, будем вести по следующим направлениям. Первое – отдел Проскурина устанавливает все те организации, которые связаны с поставками в Нагонию сельскохозяйственной техники, лекарств, оборудования для электростанций. Второе: подразделение Коновалова наблюдает за выявленными разведчиками ЦРУ в посольстве – все их контакты, маршруты поездок должны быть проанализированы с учетом данных, которые мы получим, реализовав первую позицию. Третье: Виталий Всеволодович передает руководство своим отделом Гмыре и вылетает в Луисбург. Товарищу Славину предстоит выяснить ситуацию на границах с Нагонией, в какой мере силен Огайо, и установить, кто автор письма. После этого...

- Если получится, – заметил Славин.
- После этого, – словно бы не слышав его, продолжал Константинов, – в случае, если Славин будет убежден, что имеет дело не с подставой, а с искренним человеком, – знакомит нашего неизвестного корреспондента с фотографиями членов советской колонии.
- Номер в «Хилтоне» стоит сорок долларов, – сказал Славин, – а жить надо там, обязательно там, потому что мне сдается, наш корреспондент, если только это не *игры*, в «Хилтоне» работает, скорее всего, в кафе или ресторане.
- Довольно умозрительно, – заметил Константинов.
- Значит, лаборатория страдает умозрительностью, – сказал Славин. – Они мне заключение по письму прислали: есть следы масла и сохранился запах дешевого сыра...
- А если письмо сочиняли за завтраком? – поинтересовался Константинов. – В номере?

– Тогда был бы запах клубничного джема, – победно улыбнулся Славин. – Сыр на завтрак дают редко, да и потом, если бы это дело варганили ребята из ЦРУ, они бы заказали «хэм энд эггс». Дешевый сыр дают в барах «Макдоналдс», они сейчас по всему миру разбросаны.

...В Шереметьево Константинов и Славин приехали ночью; пахло полынью; казалось, что вот-вот затрещат цикады.

– Выпьем кофе? – спросил Константинов.

– С удовольствием.

Они сели за столик; народа было немного; две молоденькие официантки говорили о том, что ехать на Рижское взморье рано еще, дождит, и море холодное, хотя песок за день прогревается, мягкий, нежный, и можно гулять по пляжу, вдыхая пряный сосновый запах, а загар лучше, чем на юге, дольше держится...

Константинов посмотрел на Славина, улыбнулся, подвинулся к нему, шепнул:

– Занятно, теперь нам с вами предстоит партия в теннис, причем – проигравшего не будет, победителями обязаны стать оба...

– Теннисом вы определяете предстоящие шифротелеграммы? – спросил Славин.

– Именно. И не сердитесь, как обычно, если я что-то стану вам настойчиво не рекомендовать.

– Запрещать, говоря прямо, – уточнил Славин. – Но обижаться все равно буду.

Официантка поставила перед ними кофе, спросила:

– Куда летим?

– В Болгарию, – ответил Славин. – Там море прогрелось.

– Зато песка мало, – сказала официантка, – а теплый песок важнее моря, прогрев дает на всю зиму, тепло хранит... Я в прошлом году в Румынии отдыхала, хорошо, конечно, но только вот с песком плохо, камни...

Константинов посмотрел ей вслед, покачал головой, сказал задумчиво:

– Все-таки время – категория совершенно поразительная, Виталий Всеволодович... Вы ощущаете *мирность*?

– Теплый песок пляжа и запах сосен, – повторил Славин. – Красиво, но при чем здесь категория времени? Не вижу связи.

– Видите. Впрочем, могу сформулировать, коли желаете.

– Извольте.

– Шестьдесят лет тому назад были невозможны две вещи... Впрочем, не шестьдесят даже... Тридцать лет назад такое тоже было невероятно: официантка, отправлявшаяся на курорт за границу, и ЧК – инструмент разрядки.

– Вы к тому, что тридцать лет назад надо было бандитов ловить и *ощериваться* на влосцев и бандеровцев?

– А говорили – «не вижу связи»... Именно это я и имел в виду. А теперь едет Славин в Луисбург, ловить шпиона, который помогает заговору против тишины, там ведь, говорят, песок горячий, только сосен нет, пальмы... Я гордость ощущаю постоянно, Виталий Всеволодович, начали-то с нуля, а ныне, защищая свою безопасность, помогаем маленькой Нагонии... Коли не начнут там стрелять – тишина останется первозданной, море и песок.

Голос диктора был сонным, чуть усталым.

– Пассажиров, следующих рейсом на Луисбург, просят пройти на посадку...

– Говорит блондинка двадцати семи лет, голубоглазая, с родинкой на щеке, – сказал Славин, поднимаясь.

– И в голосе ее заключена мирность, – заключил Константинов, – хотя родинка у нее на подбородке, а глаза наверняка зеленые.

Славин

Коллега Славина в Луисбурге был молод, лет тридцати пяти, звали его Игорем Васильевичем, фамилию свою он произносил округло, как-то по-кондитерски: «Ду-улов».

– Вообще-то пока еще никто не обращался ко мне за помощью, – певуче рассказывал Дулов, изредка поглядывая на острую макушку Славина; они шли по берегу океана; солнце было раскаленно-белым, жгло нещадно, слепило. – Один раз жена коменданта пришла, ей показалось, что за ней следят.

– Креститься надо, когда кажется.

– Мы проверили, тем не менее.

– Ну это понятно. Даллес за нею, надеюсь, не следил?

Дулов переспросил, нахмурившись:

– Даллес?

– Ну да, Аллен Даллес.

Дулов понял, рассмеялся – он смеялся заливисто, чуть откидывая голову налево, словно щегол перед песней. И глаза у него были щегольи, маленькие, пронзительно-черные, чуть навывкате.

– По поводу Парамонова все вскрылось уже после его отъезда домой, – продолжал Дулов. – Пришла повестка в суд, а его уж и след простыл.

– В суде были?

– Да. Те отфутболили в местную автоинспекцию. А там молчат, «ничего не знаем, никого не помним».

– Сам Парамонов ничего об этом не сказал?

– Никому ни слова.

– Чем он занимался?

– Механик гаража. Прекрасный, надо сказать, механик. Поставил на «Волгу» Зотова карбюратор «Фиата» – теперь летает, как спутник, шепотом дает полтора ста километров.

– Как? – удивился Славин. – Почему шепотом?

– Тихо, без натуги.

– А что, хорошее определение – шепотом, – согласился Славин, – очень точно передает легкий и ненагруженный набор скорости. Так, это – понятно. А по поводу здешних разведчиков ЦРУ вам что-нибудь известно? Ни к кому из наших не подкрадываются?

– Есть тут один занятный персонаж. Джон Глэбб, коммерсант, так сказать. С ним довольно часто видится Зотов.

– Кто?

– Андрей Андреевич Зотов, инженер-корабел, я же говорил вам. Я его предупреждал, что Глэбб, возможно, связан со службами, но он только посмеялся: «Ваша работа такая, в каждом видеть црушника».

– Правильно посмеялся. А как человек? Претензий у вас к нему нет?

– Нет. Рубит с плеча, бранится, но – убежден – честен.

– Бранится по поводу чего?

– По поводу того, что мы все браним – с разной только мерой громкости: и разгильдяйство наше, и перестраховку, и леность, и раздутые штаты, и бюрократию.

– Правдолюбец? – вспомнив Дмитрия Степанова, усмехнулся Славин.

– Вы вкладываете в это слово негативный смысл?

– А можно? – удивился Славин. – Кстати, кто следит за своевременностью поставок в Нагонию?

– Зотов. Здесь, в Луисбурге, наши суда, следующие в Нагонию, запасаются на весь рейс: там же ничего нет, порты практически демонтированы колонизаторами.

– Он давно здесь?

– Третий год. Последние семь месяцев один живет. Жена улетела в Москву. Недавно сам летал в Москву.

– Она что, здешний климат не выдержала?

– Нет, не в этом дело... Что-то у них сломалось, кажется. Говорят, у нее был роман с Дубовым, это, кстати, приятель Зотова, тоже экономист, кандидат наук...

– Как бы установить, с каким рейсом Зотов вернулся?

– Проще простого. Два рейса в неделю, пятница и вторник...

– А почему не вторник и пятница? – поинтересовался Славин. Он любил тесты, это помогло ему понять реакцию собеседника: иному толкуешь битый час, а он – как дерево, а на другого стоит только посмотреть, и по глазам видно – понял.

– Потому что пятница более верная точка отсчета, – ответил Дулов, – за нею идут дни отдыха.

– Теннисные корты, кстати, у вас есть?

– В «Хилтоне».

– А где же там? Я что-то и не заметил.

– В подвале. Там кондиционер, прекрасное покрытие.

– Играете?

– Болею.

– За кого?

– Сейчас за польского консула, а раньше болел за жену Зотова – она играла мастерски.

– Скажите, а Зотов давно встречается с Глэббом?

– Давно. Они познакомились месяца через три после того, как Зотов приехал. Да, видимо, года два с половиной, не меньше. Глэбб не пропускает ни одного нашего приема, его у нас многие знают.

– Зотов говорит по-английски?

– И по-испански, и по-португальски – образованный мужик.

– Он вам нравится, – полуутверждающе заметил Славин.

Дулов, понимая, что вопрос о Зотове поднят неспроста, тем не менее откинул – по-щегольски – голову, уставился на Славина глазами-бусинками и ответил:

– Да, он мне нравится.

– Хорошо, что вы не сказали: «У нас к нему нет претензий», молодчага. Зотов – пьющий?

– Нет, но он умеет пить.

– То есть пьющий? – повторил Славин.

– Нет. Он умеет пить, – упрямо повторил Дулов. – Он может много выпить, но никогда не бывает пьяным. Конечно, он не тихушник какой, я сужу только по тому, как он пьет на приемах.

– Любовницу не завел, после того как жена уехала?

– Я думаю, вас неверно о нем информировали, Виталий Всеволодович.

– А меня про него только вы информировали, Игорь. Я ничего о нем раньше не знал.

Как он проводит досуг?

– Ездит по стране. Собрал интересную библиотеку.

– Наши книги здесь легко купить?

– Теперь – трудно. Все поняли, что в Москве хорошую книгу не найдешь, только тут и покупают. У него много книг по искусству, по здешней живописи.

– Музей, кстати, открыт? Книги по живописи Африки купить можно?

– Музея нет. Книги о художниках Африки издают в Париже и Лондоне. Вы не хотите с ним поговорить?

– Обязательно поговорю. Только не сразу, ладно?

– Конечно, вам видней, Виталий Всеволодович.

– Теперь вот что, Игорь... Никто из наших не встречал в «Хилтоне» русских эмигрантов? Может, к ним кто обращался – ну там водка, сувениры, пластинки...

– В «Хилтоне» всего человек шесть белых работают, Виталий Всеволодович, остальные африканцы. Бармен, я знаю, белый, француз, Жакоб его зовут, шпион, сукин сын, всем служит, невероятного шарма парень, потом там у них есть белый метрдотель, Линдон Уильямс... Больше не знаю, право...

– Вы с Глэббом на приемах раскланиваетесь?

– Конечно.

– Когда у нас предвидится коктейль или прием?

– В субботу.

– Надо бы проследить за тем, чтобы Глэббу отправили приглашение.

– Хорошо. Вы об этом попросите?

– Зачем? Я тряхнул стариной, приехал, ибо на фронте был военкором... Вы уж этим озаботьтесь, ладно? И познакомьте меня с Глэббом.

– Но он же знает, кто я.

– Ну и что? Прекрасно.

– Прекрасно-то прекрасно, но ведь он, думаю, может догадаться о вашей нынешней профессии. Визг в прессе поднимут...

– Пусть не лезут к нашим людям – дома ли, здесь ли, за границей – мне тогда незачем будет сюда ездить, – жестко сказал Славин. – Они же начинают первыми, они – *подкрадываются* к тем проблемам, которые входят к прерогативу государственной безопасности. Пусть не лезут к нашим, – повторил Славин, – мы тогда будем сидеть в Москве.

– Так прямо и объяснить? – Дулов улыбнулся.

– А что? Зачем темнить? В конспирации тоже следует соблюдать меру.

– Попробуем.

– Парамонов, кстати, никогда на приемах не бывал?

– Нет, Виталий Всеволодович, он же не дипломат...

– Случайность исключается?

– Исключается, – убежденно ответил Дулов и вздохнул. – Особенно при вашей смете, каждая бутылка на счету.

...Вопросы Славина, правду сказать, Дулову не понравились – лобовые вопросы, без игры, несколько отдают схемой.

Ответы Дулова, однако, Славину понравились; он любил людей, которые умели отстаивать собственную точку зрения, несмотря на то что – тут от интонации много зависит – лучше бы для него было подстроиться под приезжего, особенно такого звания и уровня.

«Центр.

Что известно о Парамонове? Сообщал ли он кому-либо о факте его задержания полицией? Если сообщал, что именно? Существуют ли в Центре данные о русской эмиграции в Луисбурге? По моим сведениям, здесь проживает около сорока человек.

Славин».

«Славину.

Данные о русской эмиграции весьма незначительны, поскольку в Луисбурге нет клуба эмигрантов. По неподтвержденным данным, в Луисбурге живет некто Хренов Виктор Кузьмич (Кириллович), бывший власовец, участвовал в боях за Вроцлав (Бреслау). Точное место проживания неизвестно,

однако, по сведениям трехлетней давности, он снимал номер в отеле возле вокзала. Известно также, что одно время в Киле он жил игрою на бильярде, имел кличку От двух бортов в середину. Поскольку мы не располагаем данными о том, добровольно ли он пошел к Власову или был принужден к этому, соблюдайте максимум осторожности, если запланировали встречу. Сведений о его связях с разведслужбами не имеем, но известно, что в Киле он принимал участие в грабежах.

Центр».

Константинов

Проскурин разложил перед Константиновым на большом, темного ореха, столе десять листов бумаги, на которых были напечатаны наименования министерств и ведомств, так или иначе связанных с поставками в Нагонию.

Константинов бегло проглядел страницы и несколько раздраженно заметил:

– А еще конкретнее можно?

Проскурин пожал плечами:

– Я сделал прикидку. Круг сужается. Остается всего несколько человек.

– А сколько из них имеют доступ к секретным документам?

– Двенадцать.

– Установочные данные подготовлены?

– Да.

– Что-нибудьстораживающее есть?

– У меня ни к одному из них нет претензий.

– Претензий? – переспросил Константинов. – И не может быть претензий к советским людям. Или факты, или – ничего.

– Я исходил из наших сегодняшних критериев.

– А вот что касается критериев – так они постоянны. Где материалы об этих людях?

– Трухин перепечатывает.

– Когда закончит?

– Думаю, к обеду.

Константинов вскинул голову на Проскурина и повторил:

– Когда закончит, я спрашиваю?

– К четырнадцати ноль-ноль.

– Спасибо.

Зазвонил один из семи телефонов; Константинов безошибочно угадал который, снял трубку:

– Слушаю. Да. Привет. Ну? Заходите немедленно.

Положив трубку, Константинов задумчиво посмотрел на телефонный аппарат, потом обернулся к Проскуруину:

– По вашим спискам Парамонов проходил?

– Тот, о котором сообщил Виталий Всеволодович?

– Именно.

– Да.

– Но в суженный круг он не включен?

– Нет. Вы же сказали, что агента вероятнее всего просят передавать данные политического характера.

– Верно. Но Парамонов может быть *передатчиком* информации. Где он сейчас работает?

– В «Межсудремонт».

– Кем?

– Заведующим автобазой.

– Чем занимается «Межсудремонт»?

– Этого я еще не установил.

– Приблизительный ответ можно дать, нет?

Проскурин пожал плечами:

– Я не решаюсь, ибо знаю ваше отношение к приблизительным ответам.

– В общем-то, верно. Пожалуйста, попробуйте выяснить это срочно, потому что наружное наблюдение – после шифровки Славина – получило весьма тревожные сигналы на Парамонова, они ко мне с докладом идут. За четверть часа выясните?

– Я постараюсь, но лучше бы – за полчаса.

– Хорошо. Но тогда, пожалуйста, установите, не помогает ли Парамонов кому-то из начальства с машиной – в личном, как говорится, плане. Кому карбюратор поменял, кому кольца перебрал, понятно? Славин ухватил деталь, проанализируйте ее: за полчаса, как уговорились.

Сводка наблюдения была составлена, как и надлежит, сухо, без единой эмоции, только факты.

«Михаил Михайлович Парамонов, 1929 года рождения, русский, женатый, не имеющий родственников за границей, вышел в 12.47 из “Межсудремонта”, около остановки автобуса проверился, имитируя, что завязывает шнурок ботинка, дождался, пока в автобус сели все пассажиры, и вскочил туда последним, перед тем как закрылись двери. Он проехал две остановки, вышел, снова проверился, остановившись около витрины магазина “Минеральные воды” и вбежал туда за минуту перед тем, как продавец вывесил табличку “Перерыв на обед”. Ни с кем, кроме продавца, в контакт не входил, выпил лишь стакан минеральной воды. Сев на автобус без проверки, Парамонов вернулся в “Межсудремонт” и провел в гараже все время до окончания работы, перекрашивая в серебристый цвет “жигули”, государственный номерной знак 72–21».

Константинов поднял глаза на полковника Коновалова. Тот, словно ожидая этого взгляда, сразу же достал из папки второй лист бумаги с текстом, отпечатанным почти без полей, и молча протянул генералу.

Константинов углубился в чтение:

«Продавец магазина “Минеральные воды” Свердловского райпищеторга Цизин Григорий Григорьевич, 1935 года рождения, русский, беспартийный; женат, имеет родственников за границей по линии матери, привлекался к суду за халатность, осужден к году исправительно-трудовых работ по месту работы».

– Где родственники живут? – поинтересовался Константинов, полагая, что Коновалов еще не сможет ответить – мал срок, просто для подсказки спросил, такого рода подсказка – уважительна, никак не обижает.

Однако Коновалов, седенький, кругленький, чуть склоненный вперед, факирским жестом вытащил следующий листок и зачитал:

– Дядя, Цизин Марк Федорович, живет в Оттаве, работает грузчиком на бойне, а тетя, Цизина Марта Генриховна, уборщица в отеле.

– Как они туда попали?

– После войны; их немец угнал.

«Фраза участника войны, – сразу же отметил Константинов. – Мы бы сказали иначе: “Угнали фашисты”. И в этой филологической мелочи – сокрыт огромный смысл».

– Еще одна справочка, ознакомьтесь, пожалуйста, товарищ генерал.

– Когда вы успели? Времени-то было в обрез.

– Ах, Константин Иванович, меня за то и оттирают на пенсию, что молодых, говорят, слишком гоняю.

– Вместе на пенсию пойдем, – пообещал Константинов и споткнулся на первой же фразе справки:

«“Жигули”, государственный знак 72–21, принадлежит гражданке Винтер Ольге Викторовне, 1942 года рождения, еврейке, беспартийной, детей не имеет, муж, Зотов Андрей Андреевич, работает в Луисбурге».

Константинов быстро поднялся из-за письменного стола, открыл сейф, перебрал листочки, оставленные Проскуриным, отложил один, склонился над ним, пыхнул потухшей сигарой, снова раскурил ее, не заметив даже, как пламя зажигалки сожгло коричневые листья с левой стороны, и спросил Коновалова:

- У вас по Винтер больше ничего нет?
- Никак нет, товарищ генерал.
- Спасибо, Трофим Павлович.
- Разрешите быть свободным?
- Да, пожалуйста. Винтер будем иметь в виду.

Основания к этому были: старший научный сотрудник конъюнктурного института Ольга Викторовна Винтер была допущена к секретным документам, связанным, в частности, с положением в Нагонии, ибо тема ее кандидатской диссертации посвящена проблеме проникновения на африканский континент многонациональных монополий.

– И, коли вас не затруднит, – попросил Константинов, – попробуйте раздобыть для меня ее диссертацию.

... Через полчаса вернулся Проскурин.

Константинов глянул на него из-под очков.

– «Межсудремонт» занимается переговорами о ремонте наших торговых кораблей, которые выполняют международные рейсы. Поддерживают деловые связи с ГДР, Великобританией, ФРГ, Югославией и Францией. Директор конторы, Ерохин, автомобиля в личном пользовании не имеет, однако заместитель директора, занимающийся африканскими рейсами, Шаргин Евгений Никифорович, имеет «Волгу». Парамонов следит за ней лично, делает профилактику, достал новые покрышки, кажется, зашипованные.

– Все?

– Нет. Не все. Шаргин, хотя и не имеет допуска к секретной информации, тем не менее часто бывает в Министерстве внешней торговли. Его брат, Шаргин Леопольд Никифорович, оформлен к допуску, занимается закупками техники, неоднократно выезжал за рубеж, в Луисбург летал три раза. Среди партнеров на переговорах был Джон Глэбб, которым вы интересуетесь.

– Мы, – поправил его Константинов. – Мы им интересуемся. Вы в том числе. Наблюдение за Парамоновым, я думаю, надо усилить. Цизина следует хорошенько проанализировать. Кто сможет им заняться?

– Думаю – Гречаев.

– Почему?

– У вас есть возражения против его кандидатуры?

– Нет. Пусть посмотрит. Но, понятно, в высшей мере аккуратно.

– Хорошо.

– Ольга Винтер входит в «суженный круг»?

– Да. Но я намерен ее исключить, Константин Иванович. Женщина она языкатая, резкая, но, по отзывам всех ее знающих, отменно хорошая.

– А что вы можете сказать о ее муже?

– Мужем мои люди не занимались.

– Видите ли, муж-то ее – Зотов. Сидит в Луисбурге. И занимается, в частности, вопросом поставок в Нагонию.

– Вот так дело... Значит, сеть? Зотов – Винтер – Парамонов?

– Зотов там, Винтер, допущенная к секретным документам на этой же проблематике, – здесь, а Парамонов – передает информацию? Вы так мыслите себе эту сеть?

– Теоретически такая сеть вполне допустима... Элегантна даже, сказал бы я... Но Стрельцов уже присматривался к Винтер, говорил о ней со знакомыми – все в один голос твердят:

хороший человек. Неужели так ловко маскируется, а? Впрочем, если сеть существует, она должна играть, обязана, точнее говоря...

Константинов слушал Проскурина задумчиво, вертел в пальцах карандаш, а потом спросил:

– Винтер по-прежнему ездит на корт? Славин сообщил, что она увлекалась теннисом в Луисбурге. Корт – прекрасное место для встреч с самыми разными людьми...

– Про теннис мы не устанавливали, Константин Иванович.

– Не сочтите за труд выяснить это, а? И еще – где она играет? В каком обществе? «Спартак», ЦСКА, «Динамо»? С кем играет – тоже любопытно.

Через два часа Проскурин доложил, что Ольга Винтер играет на кортах ЦСКА. Среди ее партнеров был заместитель начальника управления МИДа, генерал из инженерного управления, ответственный работник Госплана и Леопольд Шаргин, из Министерства внешней торговли.

«Славину.

Сообщите все, что у вас есть по Ольге Винтер, жене Зотова – контакты, интересы, моральный облик. Выясните, с кем она играла в теннис, где? Были ли у нее постоянные партнеры, и если да, то кто именно. Кто помогал ей в сборе материалов для диссертации.

Центр».

«Центр.

По отзывам людей, знавших Винтер, она проявляла большой интерес к американскому проникновению на африканский континент. Материалы к диссертации собирала в библиотеке парламента, а также в пресс-центре посольства США. Кто именно помогал ей в пресс-центре, выяснить пока что не удалось. В теннисе у нее не было постоянных партнеров. Несколько раз она играла на кортах “Хилтона” с женой британского консула Кэролайн Тизл, примерно тридцати лет, дочь генерала Гэймлорда, работавшего по связи между МИ-6 и ЦРУ в 1949–1951 годах; играла также с Робертом Лоренсом, представителем “Интернэйшнл телефоник”. Считают, что Винтер уехала в Москву в связи с ее увлечением Дубовым, кандидатом экономических наук, срок командировки которого истек полтора года назад.

Славин».

«Славину.

Установите полное имя Роберта Лоренса, возраст, приметы. Что известно о Кэролайн Тизл?

Центр».

«Центр.

Кэролайн Тизл отличается радикализмом, резко отзывается о ситуации на Западе, выступает со статьями в левой прессе об африканцах, напечатала два памфлета о режиме Яна Смита и один комментарий о тайных операциях ЦРУ в Англии. Западные дипломаты ее сторонятся. По сведениям, полученным из проверенных источников, с разведслужбами не связана. Данные на Лоренса устанавливаю.

Славин».

«Центр.

Игравший на кортах “Хилтона” с Ольгой Винтер американец Роберт Уильям Лоренс, 1920 года рождения, приехал в Луисбург через месяц после свержения колониализма в Нагонии. Работал в Чили, также представителем “Интернэйшнл телефоник”.

Славин».

«Славину.

По нашим сведениям, Роберт Уильямс Пол Лоренс, 1922 года рождения, женат, имеет двух детей, проживающих в Нью-Йорке, предположительно является резидентом ЦРУ в Луисбурге. Выявите его связи. Сколько раз он играл в теннис с Винтер? Был ли кто-нибудь из наших во время игр с ним? Если был, выясните, какие вопросы они поднимали в беседе, если были свидетелями таковой? Каковы их отношения?

Центр».

«Центр.

Прошу дать санкцию на встречу с Лоренсом.

Славин».

«Славину.

От встречи с Лоренсом воздержитесь.

Центр».

«Центр.

Считаю необходимой встречу с Лоренсом.

Славин».

«Славину.

Повторяю, от встреч с Лоренсом воздержитесь. Выясните характер взаимоотношений Лоренса с Джоном Глэббом.

Центр».

«Центр.

Глэбб и Лоренс плавают по утрам в бассейне “Хилтона”. Отношения самые дружеские. Номер, в котором живет Лоренс, в отеле не называют, однако официанты полагают, что апартаменты, где работает ЦРУ, размещены на пятнадцатом этаже.

Славин».

Славин

Садовник советского посольства Архипкин просыпался рано, часов в пять; дело шло к пенсии, в Луисбурге досиживал последние месяцы, считал дни, когда вернется домой.

Он выходил в сад, когда еще никто из дипломатов не приезжал; посол и поверенный, которые жили здесь же, спали; тихо было в парке, и солнце, пробивавшее стрельчатую, диковинную листву, казалось бесцветным, зато трава обретала свой истинный цвет, какой-то совершенно особый, возможный только здесь, в Африке.

Архипкин знал, что в шесть полицейские, дежурившие у входа в посольство, будут меняться; при этом они долго разговаривают, иногда негромко поют, особенно когда день обещал быть с ветром, не таким душным; казалось, они чувствовали погоду без барометра.

Подъехал полицейский джип, из кузова выпрыгнули три парня, поправили автоматы, засмеялись чему-то, начали тихо переговариваться, и в это как раз время Архипкин услышал – где-то совсем поблизости – тихий, задыхающийся голос:

– Мужчина, да помоги же!

Странность обращения, легкий акцент испугали Архипкина, он даже присел возле забора; оглянувшись, увидел человека, который пытался дотянуться до острой пики – набор посольства состоял из металлических панелей и пик, колониальный стиль, остался от испанцев; на пике раскачивался маленький сверток; для тяжести к свертку был привязан камень.

– Помоги же! – судорожно повторил мужчина, стоявший на улице, и оглянулся на полицейских.

Те, видимо, заметили его.

Архипкин услышал, как один из полицейских крикнул что-то мужчине за оградой, потом все они побежали; рванул с места джип. Архипкин подцепил граблями сверток, перебросил его на *советскую* территорию; мужчина счастливо улыбнулся и бросился в узенький переулок; джип скрипуче затормозил – улочка как тропинка, там два велосипедиста с трудом разъедутся.

Прогрохотала автоматная очередь. Архипкин, подхватив сверток, бросился к посольству. Автомат ударил еще раз, потом настала тишина...

Славин перечитал листок из свертка:

«Я отправлял вам письмо про то, как американцы вербовали нашего гада в “Хилтоне”. Отправил по почте. Дошло ли? Не ведаю. Американов тех я снова видал в “Хилтоне”, а гада нет. Ладно, я старый, меня война поломала, апосля нее намыкался, поскитался, поплакал в подушки готелей, а он-то чего? С сытой рожей и молодой? Коли то мое письмо не дошло, знайтя, вербанули американцы нашего».

– А что за письмо он отправил? – спросил Дулов.

– После войны работал в Германии, – не ответив на вопрос, заметил Славин. – «Готель» пишут те, кто долго жил в Германии.

– И украинцы говорят «готель», – возразил Дулов.

– Верно. Но русские, которые жили в Германии, все, как один, говорят так же. Я работал с перемещенными в конце войны, знаю. Ну, где садовник?

Архипкин вошел в кабинет боком, остановился у двери и, как показалось Славину, хотел щелкнуть каблуками.

«Из сержантов, наверное, – подумал Славин. – Помкомвзвода был, не иначе».

– Садитесь, Олег Карпович, – сказал Славин. – Чайку попьем?

– Спасибо, от чая не откажусь.

– Он у нас ивановский, – пояснил Дулов. – Ивановские водохлебы...

– Я слышал, что главные водохлебы в Шуе жили, – сказал Славин, – или неверно, Олег Карпович?

– Шуйские всегда поболее ивановских хлебали, стаканов по десять – пятнадцать...

– Неужели? Пятнадцать стаканов! Возможно ли?!

– Ставьте самовар – покажу, – улыбнулся наконец Архипкин; напряженность, которая просматривалась в нем с самого начала разговора, перестала быть столь явной.

– А шуйские чем-то от ивановских отличаются? – медленно гнул свое Славин. – Или вы все на одно лицо? Я, например, рязанцев от курян легко отличаю.

– Так то понятно, – согласился Архипкин. – Курянин – южный, у него глаз с черным отливом, а рязанец косопузый, ближе к нам, блондинистый...

– А тот мужчина, что сверток перебрасывал, он, по-вашему, из какой области?

– Да я его и не разглядел толком.

– Черноглазый?

– Ей-богу, не понял, а особливо, когда палить начали, у меня и вовсе память отшибло: войны нет, а с автоматов шмаляют, как в ту пору, от живота.

– Вы видели, что полицейские стреляли от живота?

– Может, и не видел, может, показалось мне так...

– Пошли в парк, постоим на том месте, где все произошло, повспоминаем, а?

– Пошли, – согласился Архипкин, страдающе посмотрев на Дулова. – Только я не помню ничего, говорю ж, от страха занемел даже.

...В парке Архипкин остановился в том месте, где неизвестный бросил сверток, кивнул на пику:

– Вот тут он повис.

Славин подошел к забору: виден узенький переулок, идет под гору.

– Когда стрелять начали, он бежал, петляя? – спросил Славин.

– Не, он петлять начал, когда на велосипед прыгнул.

– Ах, у него там велосипед стоял?

– Ну да. К стене прислонен был. Дамский.

– Переулок в улицу упирается... Он куда повернул – направо или налево?

– Ясное дело, налево – там под гору идет, убегать сподручней.

– А куда ведет та улица?

– Не знаю, я выхожу с посольства редко, по ихнему-то не понимаю, заплутаешь еще...

– Та улица ведет к вокзалу, – сказал Дулов. – Она вливается в проспект, там трамвай, много машин, там его не возьмешь.

– Вы убеждены, они его не убили? – спросил Славин.

– Я выскочил из квартиры на балкон, мне все видно было... Он ушел, потому что они бежали вниз по переулку и никого перед ними не было. А когда они добежали до конца переулка, стрелять не стали, видимо, он махнул проходными дворами, там их много, – сказал Дулов.

– Проверили?

– Да. Если б они его убили, по радио сообщили непременно: нас лягнуть не преминули бы, – убежденно сказал Дулов. – Наверняка ушел.

– Он седой был? – спросил Славин.

– Да и не поймешь... Пегий, – ответил Архипкин. – А может, блондин, выгорел, может...

– Одет был во что?

– Как во что? – удивился Архипкин. – В костюм.

– Это я понимаю... Какого цвета костюм? Старый или новый? В галстук? Или нет?

– Вот напасть-то, – вздохнул Архипкин, – ну, ей-бо, как отшибло...

– Шрама на лице не было?

– Шрама не было. Рука у него, правда, беспалая. То ли одного нет пальца, то ли двух – это я заприметил.

– Вот это уже важно. Он вам что-нибудь говорил?

– Ничего не говорил. Только сначала шепнул, мол, мужчина, подмоги...

– Как?! «Мужчина»?

– Или «мужчина», или «человек», точно сказать не могу.

– Если сказал «человек» – значит, украинец, – заметил Дулов.

– Не обязательно, – возразил Славин. – Мой друг, чистокровный русский, воронежец, обычно говорит, обращаясь к друзьям, «человек», «человече»... Голос какой? Испитой? Хриплый? Или нормальный?

– Хриплый голос, это вот точно, хриплый...

– А приметы так и не можете припомнить?

– Ей-бо, не могу, зачем зазря в грех вас вводить?

...Славин вернулся в кабинет, обложился справочниками: он искал бары, где играли в бильярд, особенно в районе вокзала. Нашел четыре: «Веселые козлята», «Неаполь», «Каса-бланка» и «Лас Вегас».

Потом снова пригласил Архипкина.

– Олег Карпович, – спросил Славин, – вы в бильярд умеете играть?

– Плохо. С шоферами, бывало, погоняешь, шутки ради...

– Придется вам со мною поиграть.

– Да у нас не стол, а смехота одна.

– Мы с вами не в посольстве будем играть. В городе.

– Так в городе бильярды только в вертепах, нас упреждали...

– Вдвоем не страшно, – сказал Славин, подмигнув Архипкину. – Как, Олег Карпович?

– Если надо, значит, надо, – степенно ответил тот.

– Теперь вот что, – продолжил Славин, – мы с вами будем искать «беспалого». Но, быть может, нам повстречается другой русский, я вам его покажу. Поговорите с ним, ладно?

– Не советский? – спросил Архипкин.

– Эмигрант. Власовец, – ответил Славин.

– Я с таким псом и говорить-то не стану. Душить его надо, я супротив их дрался в Бресте, ну нелюди, ну зверье...

– Если мы найдем «беспалого», тогда все в порядке, а если надо к нему подкрадываться, тогда, боюсь, придется вам поговорить с тем как раз власовцем, который стоял против нас именно во Вроцлаве... Не судите только всех эмигрантов одним судом, Олег Карпович. Один добровольно продался немцам, сам к Власову пошел, а сотню-то принудили... Все понимаю, вы правы, оправдать такое невозможно, но и среди них есть разные люди.

– Это мне умом понятно, только сердце у меня есть. Во Вроцлаве этом самом моего меньшого братана Власовы постреляли...

В «Веселых козлятах» было шумно и многолюдно, играли здесь плохо, больше куражились, ставки были низкие, три доллара, «беспалый» не появлялся. Архипкин проиграл Славину три партии всухую, рука его заметно дрожала, когда он бил по шару; часто мазал, смотрел по сторонам настороженно.

Когда верткий официант, бегавший с подносом между стопами, принес пиво, Славин спросил:

– А Хренов когда придет?

– Он теперь у нас не играет, сэр. Он играет в «Лас Вегасе» или в баре «Гонконг». Чаше в «Гонконге», китайцы привезли прекрасные столы, там собираются самые лучшие игроки, ставки до ста долларов...

... В «Лас Вегасе», потолкавшись вокруг столов, – игроки были высокого класса, тишина стояла в зале, – Славин пригласил Архипкина к стойке, заказал «хайбол». Рука у Архипкина дрожала по-прежнему, коктейль пил с недоуменным отвращением, то и дело оглядывался.

– По уху врезать сможете? – улыбнулся Славин. – Руки-то вон какие крепкие. Чего ж тогда боитесь?

– Непривычно как-то, – ответил тот, – вертепства не люблю, я ж деревенский, нам это против сердца.

– Слово такое слышали – «надо»?

– Это я понимаю, а все одно не в своей тарелке.

Славин обратился к бармену:

– А когда придут самые хорошие игроки?

– У нас бывает только один по-настоящему хороший игрок, сэр. Мистер Хренов, «от двух бортов в середину», классный игрок.

– Но он ведь сейчас в «Гонконге»...

– Видимо, там, сэр. Хотя он играет и здесь, довольно часто играет, но в последнее время начал посещать «Гонконг».

– Что, лучше столы?

– Нет, сэр, там дешевле еда. Китайцы продают пищу по бросовым ценам, им же все привозят из Пекина. Мы ничего не можем с ними поделать, они хотят нас разорить. Алкоголь, правда, у них стоит столько же, снабжают бельгийцы, нам приходится снижать цены на коктейли, иначе вылетим в трубу...

... В «Гонконге» бармен сразу же указал Славину на Хренова. Тот играл мастерски, неторопливо, засучив рукава; играл, как настоящий жук, дразнил партнера, говорил по-английски с ужасным акцентом:

– Целься, целься лучше, Джон! Рукой не егози, а то обыграю! Деньги-то приготовил? Или к жене побежишь просить?

Славин сел за бар – Хренов был виден ему в зеркале.

– Наблюдайте за ним, – шепнул он Архипкину. – Потом подойдите, предложите сыграть.

– Ох, Господи, – выдохнул Архипкин, – у меня аж все молотит внутри... Может, жажнуть для храбрости?

– «Хайбол»?

– Да нет, водки б лучше.

– У них дрянная водка, «Смирноф», сладкая она. Виски хотите?

– Давайте, сто грамм приму.

Славин заказал двойную порцию, Архипкин выпил, подышал орешком, крякнул, слез с высокого стула и отправился к столу, на котором играл От двух бортов в середину.

– Слышь, – сказал Архипкин, – сыграем, что ль? На пять рубл... долларов...

Хренов резко обернулся, отступил, сразу же полез за сигаретой.

– Ты – кто? – спросил хрипло.

– Садовник.

– Откуда?

– Посольский...

– Красный, значит?

– Какой же еще... Конечно, красный...

– Меня откуда знаешь?

– А я тебя и не знаю вовсе... Бармен сказал, что ты русский, ну я и подошел, я ж по ихнему-то не умею.

– Погоди, я сейчас этого приложу.

Хренов вернулся к столу и пятью ударами закончил партию – играл профессионально, раньше-то куражился, понял Славин, заманивал партнера, давал шанс. Получил двадцать пять долларов, сунул в карман рубашки:

– Играешь-то хорошо? Или, может, поговорим? Впервые красного вижу, после войны ни разу не встречал.

– Нашкодил небось, вот и шарахался.

– Это было, – мазанув лицо Архипкина цепким взглядом, ответил Хренов. – Пойдем, за столиком посидим, я угощаю.

Они отошли к окну, в закуток, и Славину пришлось пересесть, чтобы видеть их.

Хренов заказал «две водки» – по сорок граммов, так здесь наливают. Архипкин посмотрел на стакан, Хренов понял:

– Соцкую хочешь? погоди, закажу, они этого не понимают, приставать начнут, «выпей залпом», они ведь глоточками цедят, нелюди...

– Слышь, а где этот-то?..

– Кто?

– Ну, как его...

– Колька?

– Нет, – ответил Архипкин, поиграв пальцами.

– Ванька, что ль? «Беспалый»?

– Да.

– В отеле, где ж еще. Он там посменно дежурит, по двенадцать часов. А зачем он тебе?

– Нужен. По радио про него передавали...

– Бандюга, мол, и власов, да?

– Не, сестра ищет...

– Иди ты! Неужто сестра?! Как же она его выследила?

– У нас в радио пишут, мол, брата ишу, такой-то и такой-то. Как его фамилия-то?

– Слышь, – не ответив, спросил Хренов, – а вот если с повинной прийти, сколько сейчас нашему брату дают?

– Смотря за что...

– Крещеные мы с ним, садовник, крещеные.

– Это как?

– А так. Как забрали из лагеря, с голодухи-то к черту в кровать прыгнешь, привезли в село, каждому в руки винтовку дали и комиссаров выстроили. Ганс, офицеришка, к каждому из нас подходил, парабеллумом своим в затылок упирался и говорил: «Стреляй». Или – ты, или – тебя. А как выстрелил, как повалил комиссара, так они винтовку отбирали и говорили: «Свободен, иди, куда хочешь». Кровью-то покрестили, куда нам было подаваться? Ну и пошло, «крещеные»... Так-то вот, красный...

– Ты мне скажи, как этого «беспалого» найти? Адрес его знаешь?

– Я все знаю, садовник, я знаю все, да просто так не скажу. Мы – ученые. Может, нет никакой сестры, а тебя НКВД подослало...

– Нужен он НКВД...

– НКВД все нужны, садовник, ты мне вола-то не крути. Сам откуда?

– Ивановский.

– Сосед. Я с Вологды.

– С города?

– Не. Деревня Пряники. Лог кругом стоит – что ты! Синь беспросветная, и ручьи текут. Как поутру выйдешь из избы – тишина... И дятел – тук-тук. Здесь дятла поди найди, какаду одни летают, мать иху так... Тебя как зовут-то?

– Олег Карпович. А тебя?

– Виктор Хрисанфович... И деньга водится, и комнату имею, а все одно сердце рвет, Карпыч, – домой мечтаю... А там четвертак вольют, а мне пятьдесят три... Когда выйду? То-то и оно...

– У нас четвертак теперь не дают. Пятнадцать.

– Ну пятнадцать. Тоже не месяц. Шестидесят восемь будет, когда отбабахую. Кому старик нужен? Семье, обратно, позор, у меня ж братья и сестры в Пряниках должны жить... Так – «без вести пропал», а коли вернусь, тогда что? В Сибирь угонят, а чем они виноваты? Я один и есть виноватый, за то с ворами в бильярд и гоняю...

– Слышь, ты мне фамилию «беспалого» скажи.

– Не напирай. Я пока с им не поговорю, фамилии не открою. Думаешь, в Вологде Пряники есть? Так я тебе и назову деревню-то... Тоже, Карпыч, ученые, жизнь извозила, себе-то самому не веришь... Приходи сюда через неделку, может, он и согласится, а закладывать его я не стану, нас тут раз, два – и обчелся, русак русака бережет, хоть душу по-нашему можно отвести... «Беспалый» – как ты говоришь – угрюм-душа, всех бежит, бобылем живет... Ну, еще врежем?

Директор криминальной полиции генерал Стау получал от хозяина бара «Гонконг» мистера Чу-Ну запись бесед иностранцев – профилактическая мера, чем черт не шутит, приходится оборудовать вертепы техникой.

Стау позвонил Джону Глэббу.

– Джон, тебя не интересует русский, который работает в отеле?

– Если бы он работал в министерстве иностранных дел, меня бы это заинтересовало, – улыбнулся Глэбб. – Они же здесь лакеи, выше не поднялись, какой прок от лакея, Стау? Как его фамилия?

– Я не начал устанавливать до разговора с тобой. «Беспалый», больше ничего неизвестно.

– Ладно, завтра встретимся, подумаем...

– А говорил о нем садовник русского посольства.

– Да? Уже интересно. В чем дело?

– «Беспалого» сестра разыскивает, садовник сказал, что по радио была передача.

– Вполне может быть, у них есть такая передача...

– А с садовником у наших китайцев был некто Славин. Я на всякий случай установил, живет в отеле «Хилтон».

– В «Хилтоне»? – после паузы переспросил Глэбб. – Что ж, спасибо, Стау. Дай мне день, я свяжусь с тобой.

...Нырнув в кондиционированный вестибюль «Хилтона», Славин почувствовал, как он вспотел – рубашка была мокрой, лицо, после пляжных гуляний, горело, крем не спас.

Он подошел к портье, попросил ключ от своего номера, купил все газеты и пошел к лифту. Здесь его и окликнули. Он обернулся: около бара стоял расплывшийся, неряшливо одетый мужчина, а рядом с ним – улыбающийся, источающий само дружелюбие, поджарый, седоволосый, невероятно красивый Джон Глэбб.

– Хэлло, Иван! – снова прокричал мужчина, капнув пивом на рубашку цвета хаки. – Неужели вы не узнали меня, старина?!

Константинов

«Совершенно секретно.

Генерал-майору Константинову К.И.

В ответ на ваш запрос сообщаем, что вчера с 21.00 до 21.30, в то время, когда шла радиопередача центра ЦРУ из Афин на СССР, из интересующих вас лиц лишь Винтер О.В. находилась дома и, таким образом, могла – предположительно – принимать зашифрованную передачу.

Майор Суханов».

«Совершенно секретно.

Генерал-майору Константинову К.И.

В ответ на ваш запрос сообщаем, что передачи афинского разведцентра ЦРУ можно принимать лишь на сверхмощных радиоприемниках типа “Филипс”, “Панасоник”, “Сони”. Однако в каждом конкретном случае определенный ответ можно дать лишь после ознакомления с аппаратом или же с его схемой и подробным описанием.

Капитан Шарипов».

«Совершенно секретно.

Генерал-майору Константинову К.И.

По данным, полученным после опроса знакомых Винтер и Шаргина, установлено, что у них дома есть сверхмощные приемники типа “Панасоник де люкс”, 1976 года выпуска.

Капитан Гречаев».

...К вечеру подразделение Коновалова, изучавшее тех работников ЦРУ, которые были выявлены контрразведкой, установило, что прошлой ночью второй секретарь посольства Лунс выехал из дома на Ленинском проспекте и, запутав чекистов, следовавших за ним, оторвался от наблюдения в 23.40, свернув с Можайского шоссе в Парк Победы.

– В парке Лунс проехал по узенькому шоссе, – докладывал Коновалов, – остановился на несколько секунд, вышел из машины, стукнул ногой по баллону, закурил и уехал. В контакт ни с кем не входил. Оттуда, из Парка Победы, на очень большой скорости поехал в посольство, пробыл там до трех утра, вернулся домой – опять-таки через Парк Победы, но там больше не притормаживал и не останавливался. Однако на этот раз из парка вышел мужчина, который сидел под дождем на скамейке, – по маршруту следования Лунса. Поскольку автобусы и троллейбусы уже не ходили, мужчина отправился домой пешком. Живет он на улице 1812 года, Шебеко Роман Григорьевич, генерал-лейтенант в отставке...

«Центр.

Есть ли данные на эмигранта, примерно пятидесяти лет, беспальный (отсутствуют два пальца на левой руке), блондин, по моим предположениям, долго жил в Германии. Возможно, что по национальности “беспальный” украинец. Прошу проверить все контакты Хренова на местах его прошлого проживания, не было ли там “беспалого”. Возможно ли выяснить через администрацию “Хилтона” фамилии всех русских, работающих в их системе на африканском континенте?

Славин».

«Славину.

Среди контактов Хренова в Киле “беспалого” установить не удалось. Он дружил с невозвращенцем Портновым Михаилом Исаевичем, инженером, командированным в Киль для закупки оборудования. Портнов повесился, оставив записку, в которой проклинал тех, кто уговорил его остаться. Именно после этого эпизода Хренов уехал в Африку, будучи травмирован гибелью друга. По возможности установим фамилии лиц русского происхождения, работающих в системе “Хилтона”. Следующую встречу с Хреновым проводите, соблюдая максимум осторожности.

Центр».

...Начальник управления генерал Федоров, выслушав доклад Константинова, сказал:

– Начало операции мне обычно представляется ремонтом в квартире. Все было тихо и спокойно, кое-где трещины пошли, обновить, кажется, краску – и все, а как навезут строители материала, как застелят газетами пол, как начнут все крушить и корежить, так, думаешь, прощай, покой...

– Это хорошо, что они у вас застилали пол газетами, – заметил Константинов. – Образцово-показательные, видно, были строители. У меня они норовили ходить по паркету чуть не в шипованных бусах.

– Это понятно, – ответил Федоров. – Утеря профессионализма. Я это объясняю тем, что войну выстрадали наши бабоньки – у станков-то они стояли, горемыки, и мальчишки по тринадцать лет...

– Мы между станками спали, – улыбнулся Константинов, – до дому не дойдешь, слаб, да и бомбежки, так мы гамаки вешали и в них отдыхали – гудит машина, привычно, успокаивает даже – тогда тишина тревожной была...

– Именно, – после паузы сказал Петр Георгиевич. – Тишина была тревожной... Выколо-тили двадцать миллионов, а с ними высокий профессионализм поубивали. А что такое профессионализм? Это – тщательность в первую голову, высокая, аккуратная тщательность. Так что, если ввинтиться в существо проблемы, эти самые шипы на бусах, которыми шлепают по паркету, – понятны и, увы, объяснимы; трагично – но объяснимы. Чаю хотите? Или кофе?

– Кофе.

– Сердце не сорвете?

– Мне кажется, что какое-то, даже самое пустяковое ЧП у нас с точки зрения стрессовой нагрузки страшнее, чем тонна кофе, Петр Георгиевич.

– Тоже верно, – согласился тот, – но такого рода позиция демобилизует, не находите?

– Так ведь все время под ружьем – тоже стресс; демобилизация – это расслабление.

– Вам бы в схоласты, хитрец вы невообразимый, почти как Славин.

– Хитрее Славина нет никого на свете, – убежденно возразил Константинов.

...Когда секретарь принес две чашки кофе и сухек, Петр Георгиевич достал большой лист бумаги и начал чертить, быстрю и точную схему.

– Вам видно? – спросил он.

– Видно.

– Тогда корректируйте, если ошибусь.

– Не ошибетесь.

– Ладно, ладно, не льстите мне. Значит, в поле вашего интереса, особенно после телеграммы Славина, оказался Парамонов, так?

– Так.

– Наблюдение за ним прибавило Ольгу Винтер. А она, оказывается, жена Зотова. Так?

– Именно.

– Я, кстати, запросил Славина, как он относится к отзыву Зотова из Луисбурга. Молчит. Полагаю, у него пока что нет оснований настаивать на этом. Нас не поймут, если мы войдем с таким предложением, фактами не располагаем.

– Дружба Зотова с Глэббом?

– Ну и что? И посол с Глэббом под руку на приемах ходит. Он же не избалован как сотрудник ЦРУ, одни предположения, он ведь коммерсант, к нам дружески настроенный... Пойдем дальше. Какие здесь возможны комбинации? Парамонов – во время задержания в полиции – завербован на чем-то. На чем? Славин версию не отработал, гадаем на кофейной гуще. Что, однако, дает нашим «коллегам» вербовка Парамонова? Он ведь не располагает информацией политического характера. Зачем он им? ЦРУ такие не нужны.

– Передаточная инстанция.

– Допустим. Между кем?

– Можно представить такую комбинацию: Зотов в Луисбурге наводит на проблемы; здесь разворачивает Винтер – через нее проходят секретные материалы, она знает много; Парамонов – передатчик информации.

– А если чуть скорректировать? Зотов действительно наводчик; Шаргин – главный источник оперативной информации; Винтер – перепроверка данных Шаргина, к ней, в их институт, приходят материалы из всех практически министерств; Парамонов – согласен – передаточная инстанция. Такое возможно?

– Да. Возможен и третий допуск: Винтер имеет множество знакомых на корте. Ее партнеры – информированные люди. Там, на теннисном корте, она *трогает* наиболее сложные политические проблемы, а Шаргин работает на уточнении тех вопросов, которые она перед ним ставит; Парамонов – передает информацию.

– Как передает? Где? Кому? Не генералу же Шебеко...

– Он мемуары пишет, не очень-то получается, – заметил Константинов. – Многие наивно полагают, что литература – легкое дело... Бессонница у старика, мы проверили... Каждую ночь гуляет в Парке Победы...

– Где был Парамонов, когда Лунс туда ездил?

– Дома.

– Винтер?

– Не установлено.

– Шаргин?

– Сидел в ресторане с братом.

– А где все они находились во время последней радиопередачи разведцентра?

– Шаргин был на работе – принимать, следовательно, не мог, Парамонов – дома, но, как установил Гмыря, свой «Панасоник» он продал месяц назад через комиссионный магазин на Садовой. Винтер была дома.

– Надо бы график завести: кто где находится во время передач их центра, – я это практиковал во время драки с Канарисом и «папой Мюллером», давало хорошие результаты... Какой приемник у Винтер?

– «Панасоник».

– Славина, кстати, запросите – кто, у кого, когда и за какую цену покупал эти самые «Панасоники», видимо, все в одной лавке брали, а коли в разных – еще интересней.

– Мы займемся этим делом немедленно.

– Сколько интересующих нас лиц оказалось сейчас в «суженном круге»? – спросил Федоров.

– Вечером отпало еще пять человек – они сейчас в отъезде; двое ушли в докторантуру, остальные кристальны, во всех смыслах кристальны.

– Ну это беллетристика.

– Нет, данные проверки.

Петр Георгиевич отодвинул пустую чашку, и в том, как он ее отодвинул, Константинов угадал раздражение.

Он не ошибся.

– Что же Славин медлит со своей версией? Почему ничего не сообщает?

– Он и сам на иголках, но ведь он не умеет спешить, не умеет – и все тут. Он понимает, что, покажи фото тому, кто писал, все наши гадания кончатся, он прекрасно понимает, как мы ждем от него именно этого сообщения, Петр Георгиевич.

Заглянул помощник:

– Товарищ генерал, Панов из отдела дешифровки со срочным сообщением.

– Звонит?

– Вы просили не соединять, так он пришел.

– Пусть войдет.

Панов положил на стол шесть страниц:

– Сразу три, товарищ генерал. Такого еще не было².

– Каково, а? – спросил Петр Георгиевич. – Впору просить у вас сигару. Такого рода интенсивность работы может быть лишь накануне *событий*...

...Генерал-лейтенант Федоров стал чекистом, когда ему исполнился двадцать один год – молодой радиоинженер уехал добровольцем в Испанию, работал там с легендарными дзержинцами-контрразведчиками, учился *ремеслу* у Григория Сыроежкина, а когда началась война, стал *асом* радиоигр против абвера и гестапо; сотни гитлеровских агентов были схвачены и обезврежены благодаря работе той службы, которую возглавлял Федоров. Потом – борьба с буржуазными националистами, разгром бандеровцев; выявление затаившихся гитлеровских прихвостней; *сражение* с Даллесом за выдачу фашистских палачей, перебежавших за океан в поисках новых хозяев. Потом началась его работа против шпионов, которых начали засылать американские разведорганы.

Бритвенно мыслящий, стремительный, но при этом спокойный, Федоров спросил задумчиво:

– Вы в теннис играете по-прежнему?

– Когда есть время.

– Найдите время, а? Поглядите на Винтер сами, все-таки, знаете ли, бумага – это бумага, а человек – он и есть человек. Приглядитесь к ней, Константин Иванович. И еще: дело сложное, архисложное, сказал бы я. Поэтому, думаю, следует вам – с вашей-то тщательностью – заняться и мелочами, кажущимися мелочами. При всем при том, поиск шпиона – акция внешнеполитическая, тут надобно проявлять особого рода дотошность.

² Радиограмма, не поддававшаяся расшифровке, была передана из разведцентра ЦРУ в Европе. Текст гласил: «Дорогой друг, информация, переданная вами, внесла существенный вклад в борьбу. Самый большой руководитель ознакомлен с вашей точкой зрения и с переданными вами материалами. Мы выполним вашу просьбу и незамедлительно перешлем вам то, о чем вы просили во время очередной тайниковой операции. Места встреч прежние. Очень просим ускорить обработку документов, находящихся в вашем распоряжении, и передать данные о том, возможно ли наращивание русской помощи Нагони, когда там начнутся события кризисного порядка. Ваше мнение и суждения ваших знакомых соответствующего уровня были бы для нас крайне ценны. Ваши друзья “Д” и “Л”». – *Примеч. автора.*

Славин

– Нет, Иван, сто раз нет, – упрямо, как только могут упрямятствовать постоянно пьющие люди, повторил тот самый неряшливый, толстый мужчина в хаки, что окликнул Славина. – Вы все погубили своими руками, вы, ваш Сталин, он же постоянно угрожал Европе агрессией. Что нам оставалось делать?

– Вы повторяете свое, как заученное, – Славин отхлебнул пива и посмотрел на Глэбба, словно бы ожидая от него поддержки.

– Мистер Славин прав, – сразу же согласился Глэбб. – Трумэн был плохим парнем, Пол. И он действительно не любил красных, зачем закрывать на это глаза?

Пол даже не глянул на Глэбба, попросил себе еще один бокал пива, положил руку на плечо Славина и, странно подмаргивая обеими глазами, словно бы одновременно разговаривал с двумя людьми и с каждым хитрил, сказал – очень медленно, с болью:

– Иван, Иван, вы помните, как в апреле сорок пятого мы ходили всю ночь напролет по Дрездену, и думали о будущем, и как ликовали потом, в Нюрнберге, когда свиней вытащили на скамью подсудимых? Вы помните?

– Помню. Вы еще тогда не только подмаргивали, но и шейей после контузии дергали, и смеялись над собой очень зло, чтобы другие не имели возможности смеяться первыми, и совсем не пили, даже пива, и были влюблены в немку с нацистским прошлым.

– Контузия прошла; надо мною, неудачником, смеются все, а я лишь обижаюсь; я, как и все ущербные люди, обидчив, Иван, до сердечных колик обидчив, я разучился подшучивать над собой, это – привилегия сильных; пью я теперь с утра и считаю это высшим блаженством; немка с нацистским прошлым, вы не зря ее невзлюбили, родила мне сына, потом бросила, вышла замуж за узника Дахау, сейчас изображает из себя жертву гитлеризма, получает пособие и руководит в Дюссельдорфе комитетом за гуманизм по отношению к животным. Она его создала, кстати, после того, как вы зашвырнули в космос свою Лайку. Я дал отчет о себе. А вы? Что вы делали после Нюрнберга?

– Жил, Пол, жил. Не хотите подняться ко мне? Есть русская водка, икра и черные сухари с солью.

– С удовольствием, – сразу же откликнулся Глэбб, – нет ничего прекрасней русской водки, наше виски дерьмо в сравнении с нею.

– Все чиновники администрации ругают свое, – заметил Пол Дик, корреспондент тридцати двух провинциальных газет, лауреат премии Пулитцера в прошлом, суперрепортер отчаянной храбрости, тридцать три года тому назад красавец, поджарый, спортивный, а сейчас потухший, перегарный, старый.

Уже в лифте, как-то отрешенно слушая Глэбба, который рассказывал Славину о том борделе, который царит в Луисбурге, о наглости монополий, лезущих во все поры страны, Пол хмуро продолжил свое:

– Все чиновники администрации, если только не работают на подслух, ругают свою страну, чтобы понравиться иностранцам, – дешевка это, грубятина.

– Сейчас он скажет, что я – тайный член компартии, – вздохнул Глэбб, – агент ЦРУ и главарь здешней мафии.

– Что касается здешней мафии – не утверждаю, нет фактов, но ведь в Гонконге ты, говорят, работал; в ЦРУ ты не служишь, Даллес туда набрал умных парней с левым прошлым, вроде Маркузе; в партии ты не состоишь и ей не симпатизируешь, потому что воевал во Вьетнаме.

Глэбб пропустил Славина и Пола Дика, закрыл ладонью огонек в двери лифта, чтобы не хлопнул, они здесь норовистые, эти лифты, и уже в тихом, застланном зеленым шершавым ковром кондиционированном коридоре заметил:

– Мне нравится, кстати, что мы так зло и бесстрашно пикируемся, это и есть высшее благо свободы.

– Точно, – согласился Славин. – Согласен.

– Слово – не есть свобода, – сказал Пол. – А вы все погубили, Иван, и такие встречи стали исключением из правила, а могли быть правилом, и мне очень обидно, очень, понимаете?

Славин, отпирая дверь номера, заметил:

– Мы, говорите, погубили? А когда Черчилль произнес свою речь в Фултоне? Когда он призвал Запад к единению против России? Ведь тогда еще воронки травой зарости не успели.

– А что ему было делать? Фултон был для Черчилля последней попыткой спасти престиж Британской империи, рассорив вас с нами. Он же мечтал о роли арбитра – обычная роль Англии. А вы позволили себе рассердиться. А когда наши кретины наделали массу глупостей и когда в мире очень запахло порохом, именно Черчилль призвал к переговорам между бывшими союзниками – снова арбитраж, победа престижа...

– А вы что, помогли нам понять Черчилля? Мы ведь тогда были молодыми политиками, Пол, – ответил Славин, доставая из холодильника бутылку водки и банку икры. – В сорок седьмом году, когда Черчилль выступил в Фултоне, моей стране было тридцать лет, и вы, американцы, только тринадцать лет как признали нас. Вы помогли нам понять Черчилля? Вы ж заулюлюкали: «Ату красных!»

– Вы стали нарушать Потсдам.

– В чем? – неожиданно жестко спросил Славин. – Факты, пожалуйста.

– При чем здесь факты, Иван! Была очевидна тенденция! Вы тогда могли рвануть и в Париж и в Рим – вас там ждали Торез и Тольятти.

– *Могли? Или рванули?* Это вы, Пол, начали лезть в Польшу, Венгрию, к чехам; это вы начали пугать людей нашим вторжением – мы-то молчали. Мы долго молчали, Пол, и, затянувши пояса потуже – голод был у нас, – страну поднимали из руин. Бесчестно было обвинять нас в агрессивности, когда мы думали об одном лишь: людей из землянок вытащить. А вы нас стали разорять гонкой вооружений. Это же стратегия – не дать нам возможность вложить средства в мирные отрасли, брать на измор. И мы были вынуждены предпринять встречные меры. Да, порою жесткие. Так кто же нарушал Потсдам, решение Большой тройки, подписанное и Трумэнном и Эттли? Кто звал к его ревизии? Мы или вы?

– Ваши люди отвергают факт «жестких мер», – заметил Глэбб, наблюдая за тем, как густо водка из морозилки разливалась по рюмкам. – Они говорят, что это – провокация.

– Кто?

– Ваши посольские, инженеры из торгпредства.

– Откуда вы их знаете? – спросил Славин.

– Он же из торговой миссии, – хмыкнул Пол. – Торгует родиной и – по совместительству – радиоаппаратурой.

– Я горжусь тем, что дружу со многими русскими, – сказал Глэбб. – Очень славные ребята, но, как только речь заходит о спорных вопросах, они начинают говорить так, как пишет «Правда».

– Правильно делают. Здоровье Пола. Рад видеть вас, Пол. Раз вы приехали сюда, значит, надо ждать событий.

– Скоро полетим в Нагонию, приветствовать свержение Грисо, – ответил Пол и опрокинул водку – без глотка даже – в рот, который показался Славину печью: так он был огнедышаще раскрыт и красен.

– Не надо выдавать желаемое за действительное, – сказал Глэбб. – Чтобы свалить Грисо, нужны люди и деньги, а этого нет у его противников.

– Не лгите, – отмахнулся Пол. – Есть деньги, есть люди.

– Значит, вы знаете больше, чем я, – Глэбб пожал плечами и показал глазами на бутылку.

«Он хочет, чтобы Пол поскорее напился и начал пороть чепуху, и тогда все его слова покажутся собеседнику бредом», – понял Славин.

Славин разлил водку еще раз.

– За прекрасных русских парней, – предложил Глэбб, – за то, чтобы мы научились понимать друг друга и относиться с доверием! В конечном счете мы живем в одном мире, над нами одно небо, и разделяет нас один океан, через который можно и нужно перебросить мост.

– Я – за, – согласился Славин, чокнулся с Глэббом, выпил, поднялся и пошел к телефону. – Какой номер здешнего сервиса?

– Наберите «пятнадцать», – ответил Глэбб. – Это если вы хотите заказать сэндвич или орешки. У них здесь отменные орешки, они их с солью жарят, очень вкусно и дешево, прекрасная закуска.

– А если я хочу угостить гостей?

– Тогда наберите «двадцать два». Это здешний ресторан, кухня хороша, но все довольно дорого.

– Алло, это шестьсот седьмой номер, добрый вечер. Что бы вы могли нам порекомендовать на ужин? Нас трое. Икра? Спасибо, у нас есть русская. Рыба? Какая? Асау?

Пол Дик начал осовело раскачиваться, пытаясь дотянуться до бутылки. Глэбб посмотрел на Славина, отрицательно покачал головой, шепнув:

– Это слишком дорого, не надо, попросите мерлузу, вполне пристойно по цене и очень вкусно.

– Мерлузу, пожалуйста, салаты и кофе. Да, спасибо. Мороженое? – Славин закрыл трубку рукой. – Мороженое у них очень дорогое?

– Как у вас – очень дешевое, – рассмеялся Глэбб, – но невкусное.

– И три мороженых. Да, фруктовых. Спасибо. Ждем.

Пол все-таки налил себе водки, снова заглотал рюмку и, трезво посмотрев на Глэбба, сказал:

– Знаете, ребята, о чем я мечтаю? Я мечтаю заболеть раком. Анализы должны показать, что у меня рак. Но болей еще не должно быть. Это очень важно, чтобы не было болей. Тогда бы я начал гулять. Я бы гулял, пока не свалился, гулял так, как никогда не мог позволить себе из-за проклятой работы, я бы гулял так, как об этом мечтает каждый: без страха за завтрашнее похмелье. Это был бы настоящий праздник, полное высвобождение...

– Ну вас к черту, – сказал Славин и снова плеснул водку по рюмкам. – Вы нарисовали жуткую картину, и я хочу поскорее напиться, чтобы забыть ваши слова. А почему вы не пьете, мистер Глэбб?

– Я пью! Что вы, я пью, как лошадь!

«Ты – хитрован, а не лошадь, Глэбб. Лошадь – умное животное, оно бы не стало так жадно наблюдать за тем, как я пью, и не ловило бы так алчно признаки опьянения. Я сейчас наиграю опьянение, ты не гони картину, не надо так торопиться, хоть время действительно деньги, но ты же проигрываешь со своей заинтересованной торопливостью. Тебе бы лениться, Глэбб, тебе бы напиться первому, сплевывать, уснуть в кресле – тогда бы все было путем, тогда бы я до конца поверил в то, что ты действительно из торговой миссии, продаешь радиоаппаратуру и что-то там еще, родину, кажется, говорил Пол».

Тяжело открыв глаза – набрякшие веки свинцовы, – Пол плавающе потянулся к Славину:

– И сейчас вы виноваты, Иван. Здесь, в Африке, во всем виноваты вы. Мы влезает только для того, чтобы не пустить вас.

– Вас бы устроило, – Славин снова налил себе и Глэббу, капнул водкой на брюки Полу, не извинился даже, воистину пьян, в такой жаре быстро пьянеют, – если бы в Нагонию влезли люди Мао? Вас бы устроило, чтобы бедной Европе уперлись пистолетом в подбрюшье? Она бы

стала такой сговорчивой, эта прекрасная старушка... Или вы понимаете эту угрозу и решили помочь Европе?

– Китайцы – насекомые, Иван. Саранча. Они бессильны, они не смогут нагнать – ни нас, ни вас.

– Нельзя так говорить о великом народе, Пол, – отрезал Славин, – это бесчестно. Китайцы – прекрасные, умные и добрые люди.

– Давайте выпьем за женщин, – сказал Глэбб. – Ну вас к черту с вашей политикой.

«Он сейчас предложит пригласить женщину, – понял Славин. – Он закажет виски и позовет подругу. Или скажет, что здесь хороший стриптиз».

– Поддерживаю, – сказал Славин. – В наше стремительное время лишь женщина остается символом надежности, то есть красоты.

– Это – ничего, – ухмыльнулся Пол. – Продайте, Иван. Красота – как символ надежности. Десять долларов. Даже пятнадцать. Я начну репортаж для наших свинопасов: «Красота – как символ надежности, об этом подумал я, когда вертолет доставил меня в джунгли, на берег океана, к двухметроворостому мистеру Огайо, трибуну и борцу, который обещает вернуть народу Нагонии свободу, попорченную кремлевскими марионетками Грисо». Ничего, да?

– Ничего. Давайте пятнадцать долларов. Или возьмите с собою к Огано.

– Вас посадит КГБ, – ответил Пол. – Огано ваш враг, вы не имеете права говорить с ним, я же все про вас знаю, Иван, я старый, а потому умный.

– Хватит вам пикироваться, ребята, – сказал Глэбб. – По-моему, ужин наконец везут – слышите, что-то трезвонит в коридоре.

– Да ничего там не трезвонит, – возразил Славин, – это у вас слуховые галлюцинации.

И тут в дверь постучали.

– Да, – ответили все трое: двое – по-английски, один – по-русски.

На пороге стоял негр, подталкивая тележку, уставленную тарелками с рыбой; шальная мысль, метнувшаяся в голове Славина – придет белый официант, обязательно русский, – так и оказалась шальной мыслью.

...Пол Дик ковырнул вилкой мерлузу, попробовал ее, сплюнул:

– Африканцы не умеют готовить. Отказавшись от французов и бельгийцев, гурманов мира, они обрекли себя на закабаление нашими «макдоналдсами» – сосиски, кофе и бутерброд с сыром, очень удобно, а главное, дешево, всем по карману.

«Бутерброд с сыром, – повторил про себя Славин, – очень дешево, бары фирмы “Макдоналдс”. Кем же “беспальный” работает в “Хилтоне”? В ресторане? Официантов здесь не кормят, это не Россия, почему бы ему не питаться в “Макдоналдсе»?»?

– Кстати, «макдоналдсы» сюда уже влезли? – спросил он, подвигая Глэббу салат. – В здешнем ресторане действительно вылетишь в трубу, а перехватить среди дня тоже не мешает.

– Они не могут не влезть, – ответил Глэбб, сожалеюще поглядев на пустую водочную бутылку. – Но их не пускают в центр. Они подкрадываются к президентскому дворцу с самых нищих окраин. Молодцы, пристроили к барам бильярдные, черные проводят там свое свободное время: бильярд – в семь раз дешевле кино...

– А телевизор?

– Вы с ума сошли! Кто из них может купить телевизор?! – Глэбб снова посмотрел на пустую бутылку. Пол наконец заметил его взгляд, поднялся, отошел к телефону, набрал цифру «пятнадцать» («Пьян, пьян, а все помнит, – отметил Славин, – особенно, если дело касается бутылки») и попросил:

– Две бутылки виски в номер...

– Шестьсот семь, – подсказал Глэбб.

– В шестьсот седьмой номер. Счет на эти две бутылки перешлите в номер девятьсот пятый, Полу Дику. Быстро!

«Зачем так шеголять своей памятью? – неторопливо думал Славин, согласно кивая собеседнику, который рассказывал о том, как “макдоналдсы” мухлюют с кофе, вступив в сделку с филиалом фирмы “Нестле”. – Нормальный человек ни за что бы не запомнил номер и не держал его в голове так цепко, как ты, и не слушал бы всех одновременно: и меня, и Пола. “Беспальный, – сказал Хренов, – дежурит по двенадцать часов”. Надо будет выяснить, сколько времени работают официанты. Отчего я так уперся в официанта? И отчего в меня так уперся Глэбб? А ведь он уперся. Не мог же он узнать о встрече с Хреновым – слишком рано; даже если допустить, что он из ЦРУ и отладил контакты со здешней полицией. Нет, я сам себя пугаю, ему бы не успели сообщить».

– Мистер Славин, вы собираетесь писать о ситуации в Луисбурге? – спросил Глэбб.

– Меня, признаться, больше интересует Нагония.

– Тогда отчего вы не поехали туда? Или поддерживаете вашу официальную версию, что в Луисбурге штаб заговорщиков?

– Поддерживаю, конечно, я себя от Москвы не отделяю, но там сидит мой коллега...

– Мистер Степанов? Мы читаем книги этого писателя, не только его статьи в газете. Здесь на него многие сердиты – он слишком резок.

– Так опровергайте. Если врет – опровергайте, а сердиться не стоит, это не демократично.

– Степанов пишет хорошо, даже если врет, – сказал Пол и сцедил по спичке всю водку себе в рюмку – тридцать одну каплю, отметил Славин. – И журналистика и литература – это ложь; она тем талантливее, чем больше похожа на правду. Надо правдиво врать – тогда это искусство. Надо уметь написать свою жизнь, вымышленную, не такую скучную, какой живут люди, и тогда вы станете Толстым или Хемингуэем.

– Кем? – спросил Глэбб. – Хемингуэем? Но ведь он умер...

– А Толстой переселился из Миннесоты в Майами и сейчас ловит рыбу в проливе, – озлился Пол. – Хотя, – он посмотрел на Славина, – Хемингуэй сейчас действительно забыт у нас. Если бы он родился в прошлом веке, тогда другое дело, а так – наш современник. Мы же видали его, и пили с ним, и бабы рассказывали нам, какой он слабый, и несли его по кочкам, и слуги давали интервью, что, мол, жадный он... Классиков двадцатого века нет и быть не может из-за того, что средства массовой информации набрали силу. Во времена Толстого были сплетни, а теперь все оформляется на газетных полосах броскими шапками, пойдешь, создашь авторитет, пойдешь, не поверь всему тому дерьму, которое мы печатаем... И потом, телефон... Общение между людьми упростилось до безобразия. Попробуй раньше-то, позвони в Ясную Поляну, возьми интервью – черта с два! Надо было ехать, попросив разрешение. А это уже обязывало, проводило черту между им и нами... А теперь звонок по телефону: «Граф, прокомментируйте “Войну и мир”»...

– Верно, – согласился Славин. – Вы сказали верно, Пол. Очень безжалостно, но верно. Значит, получается, что мы сами лишаем себя классиков? Двадцатый век хочет уйти в небытие без классики? Не ведаем, что творим?

– Почему? Ведаем.

– Слишком высок культурный уровень? Все грамотны? Слишком много поэтов вкусовщины? Личных симпатий?

– Скорее – антипатий. Про уровень вы правы лишь отчасти, вы проецируете культуру России на мир – это ошибка.

– Друзья, а не пора ли нам подумать о женщинах? – сказал Глэбб. – Я, конечно, понимаю, интеллектуалы, культура, но ведь вы – не бесполы, я надеюсь. Или мистер Славин опасается последствий? Насколько мне известно, вашим людям запрещены такого рода общения...

«А вот и птички, – подумал Славин. – Все по плану. Старо, как мир, но ведь действует, черт возьми. Что ж, посмотрим его клиентуру».

Славин заметил:

– Вашим тоже, как я слышал, такого рода общения не рекомендованы.

Глэбб посмотрел в глаза Славина, куда-то даже в надбровья, лицо его на мгновение сделалось тяжелым, мертвым, но это был один миг всего лишь, потом он отошел к телефону, легко упал в кресло, достал из заднего кармана брюк потрепанную записную книжку, заученно открыл страницу, глянул на Славина, страницу закрыл и начал *копаться*, изображая лицом деда-мороза, затевающего веселую игру, которая кончится прекрасным подарком.

– Вам кого, белую или черную? – спросил он, по-прежнему листая книжку.

– А я дальтоник, – ответил Славин.

Пол Дик расхохотался.

– О, какой хитрый мистер Славин! – сказал Глэбб. – Вы все время уходите от точного ответа...

– Точных ответов требует суд.

– Вам хорошо известна работа суда?

– Конечно.

Пол сказал:

– Лучше, чем тебе, Джон. Он просидел вместе со мною весь Нюрнбергский процесс – от звонка до звонка.

– То была политика, Пол, а сейчас мистер Славин отвечает мне по поводу женщин, как опытный тактик: ни да, ни нет, и во всех случаях он чист перед инструкцией.

– Какой именно? – спросил Славин. – Какую инструкцию вы имеете в виду?

Глэбба спасло то, что пришел официант из бара с бутылками виски и льдом; Славин понял, что Глэбб не сможет вывернуться – действительно, как коммерсанту объяснить знакомство с инструкцией?

Пол сразу же выпил, налил Славину и Глэббу.

– Сейчас, – откликнулся Глэбб, набирая номер, – одну минуту, Пол.

Он долго слушал гудки, вздохнул, дал отбой, набрал следующий номер.

– Твои девки уже залезли в ванны в других номерах, – сказал Пол, – ну их к черту, шлюхи.

– Фу, какая гнусность, – сказал Глэбб. – Нельзя быть таким циником, Пол. Просто тебе не попадались женщины-друзья, у тебя были одни потаскухи.

– Лучшая женщина-друг – бесстыдная потаскуха, с которой не надо говорить о Брамсе и притворяться, что понимаешь Стравинского.

– Алло, Пилар, – сказал Глэбб, набрав номер. – Я сижу в обществе двух умнейших людей. Ты не хотела бы присоединиться к нам? Почему? Ты меня огорчаешь, Пилар... Ну пожалуйста... Я тебя очень прошу, а? Вот молодец! Шестьсот седьмой номер, Пилар, мы сидим здесь. Ждем!

Пилар действительно была хороша: высокая, хлысткая испанка с громадными глазами, улыбка – само обаяние; она мило поздоровалась с Полом и Славиним, поцеловала Глэбба – дружески, целомудренно, в висок, по-хозяйски включила радио; «Хилтон» передавал свою джазовую программу, и она не ошиблась, нажала нужную кнопку; приняла от Славина виски, чуть пригубила и, заметив его взгляд, объяснила:

– Не сердитесь, все же я испанка, мы пьем вино, но пьянем не от него, а от умных собеседников.

«А я сейчас предложу ей беседу, – похолодев от волнения, стремительно подумал Славин. – И собеседника, прекрасного собеседника».

Все эти часы и дни, начиная еще с первой беседы в кабинете Константинова, он жил версией: русский, приславший письмо, наверняка один из тех бедолаг-эмигрантов, которые

влачат горькую судьбину, работая в сфере услужливого рабства. За это платят, а в «Хилтоне» – вполне пристойно.

Однако сейчас, в течение всего этого долгого разговора, Славин не мог даже предположить, что оперативное решение придет к нему столь неожиданно. Видимо, впрочем, извечный закон о переходе количества (в данном случае раздумий, прикидок, поисков оптимального решения) в качество привел Славина к действию, на первый лишь взгляд странному, а в сути своей единственно – в данной ситуации – разумному.

– Минуту, – сказал Славин, поднявшись, – я сейчас вернусь.

– Что случилось? – подался вперед Глэбб.

– Кое-что, – ответил Славин.

Он спустился в ресторан, чуть пошатываясь подошел к метрдотелю и спросил:

– Слушайте, у вас тут никого нет из официантов, кто был бы родом из Англии или Германии? Лучше б, конечно, из России, но, видимо, это из области фантазии, нет?

– А в чем дело, сэр? Француз не может вас устроить? Наш бармен француз...

– Это – на крайний случай... Я хочу угостить даму, которая не пьет виски, одним коктейлем, русским коктейлем...

– Погодите, погодите, у нас в подвале работает Белью, он, кажется, родом из Восточной Европы... Когда бастовали наши черные лакеи, мы брали его на номера... Одна минута, сэр...

Метрдотель снял трубку телефона, набрал цифру «три», спросил:

– Луиш, скажите, Белью уже кончил работать? Им интересуется гость из...

– Шестьсот седьмого, – подсказал Славин, расслабившись, чтобы не так чувствовалась его устремленная напряженность.

– Из шестьсот седьмого. Понятно, Луиш. А когда он заступает на смену? В восемь? Спасибо.

Метр положил трубку:

– Этот Белью заступит на работу завтра в восемь утра, сэр, очень сожалею...

– Тогда я попрошу вас поднять ко мне бутылку шампанского...

– Какой сорт? Сладкое? Или «брют»?

– Все равно, только – русское.

– Но с американской этикеткой, если позволите, сэр; красные делают «брют» для Штатов.

– Жаль, что с американской этикеткой...

– Я попробую поискать в наших погребах, сэр. Русские сменили этикетку, они теперь называют свое шампанское как-то иначе, не хотят ссориться с французами. Я сам спущусь в погреб, сэр...

– Благодарю, это очень любезно с вашей стороны... И, пожалуйста, отправьте наверх бутылку русской водки.

– Да, сэр. «Смирноф»?

– Нет, именно русской.

– «Столичная» или «Казачок»?

– «Казачок»? Я не знаю такой водки. Видимо, «Кубанская»?

– Вы прекрасно разбираетесь в русских водках, сэр, именно «Кубанская»! Я пришла к вам боя через десять минут.

«А вот теперь надо замотивировать поездку, – стремительно думал Славин, поднимаясь в номер. – Я стану флиртовать с Пилар и повезу ее домой. А потом заеду в посольство и возьму фотографии. И в восемь часов встречу Белью. Ей-богу, это он писал. Я попрошу Москву сегодня же, что им известно об этом Белью. Дай бог, чтобы они там знали о нем хоть самую малую малость. И если этот Белью говорит по-русски, и если это он писал нам, и если он опо-

знает по фото того, кого американцы вербовали в номере, я завтра днем улечу в Москву и все будет кончено».

Константинов

С заведующим отделом МИДа Ереминым было условлено встретиться в полдень, в новорарбатском ресторане.

В свое время Константинов оппонировал Ивану Яковлевичу на защите кандидатской диссертации по теме «Национально-освободительное движение на Африканском континенте и акции стран НАТО». Юрист-международник, Константинов, с присущей ему дотошностью, поставил перед Ереминым сорок семь вопросов: он привык требовать точности и от себя и от окружающих во всем, мелочей для него не существовало. На этом они и сдружились; Еремин отложил защиту на месяц, но прошел зато блестяще – ни одного черного шара.

...Константинов приехал в ресторан на десять минут раньше, заказал два бульона с пирожками, узнал, хороши ли сегодня котлеты по-киевски, и сказал, чтобы кофе заварили двойной.

– А что из напитков? – спросил официант. – Коньячок? Или водочки выпьем, есть «посольская».

– Из напитков будем пить «Боржоми», – ответил Константинов.

Официант обиделся, пожал плечами и оправил скатерть так резко, что Константинову пришлось подхватить фужер – наверняка разбился бы.

Еремин опоздал на пять минут:

– Извини, Константин Иванович, не рассчитал время, решил совместить приятное с полезным – пешком отправился.

– По дипломатическому протоколу пятиминутное опоздание допустимо, – улыбнулся Константинов. – А за сорок минут, я думаю, мы управимся: и с разговором, и с обедом. Я бульон заказал.

– Ты – гений, – сказал Еремин. – Добрый гений. Ну рассказывай, что стряслось?

– Ровным счетом ничего. Просто хотел посидеть с тобою, по телефону говорить – глаз не видеть, а мне хочется смотреть в твои глаза, потому как и ты и Славин невероятные хитрецы и я понимаю вас обоих лучше, когда вы молчите.

– Это комплимент?

– Бесспорно. Хитрость – необходимая градиента ума, она противна коварству и бесчестности. Я специально, знаешь ли, перечитал главу в занятой книге прошлого века «Об искусстве военной хитрости».

Еремин посмеялся:

– Есть аналогичная книга, издана в Париже, в восемьсот тридцать девятом году: «Изыщество дипломатической хитрости».

– Значит, комплимент?

– Воистину так. Ну рассказывай, зачем я тебе понадобился?

– Понимаешь, Иван Яковлевич, штука заключается в том, что, по нашим последним данным, в Нагонии вот-вот прольется кровь...

– По твоим данным, нагнетание – не есть чистой воды демонстрация, проба сил?

– По моим данным, там готовится резня. А по твоим?

– Нам кажется, что они не решатся на открытую агрессию. Я согласен, ястребы решили избрать полем нового противоборства Африку, но они не готовы к серьезной драке, слишком свежо воспоминание о Вьетнаме. Видимо, дело ограничится пропагандистской шумихой, рыхлят почву, хотят поторговаться на переговорах о разоружении, поэтому тащат нас к грани кризиса, именно к грани.

– Мне сдается, ты не прав.

– Это твое личное мнение?

- Да. Но оно базируется на фактах.
- Бульон – отменен. Только присолить надо малость.
- Все солееды – гипертоники.

– А я он и есть, – ответил Еремин, – давление скачет постоянно... Вкусный бульон, хорошо делают, молодцы... Вообще-то странно, что ты настаиваешь на возможности агрессии. Давай взвешивать: Луисбург, дружбой с которым похвально Огано, далеко не так монолитен, как кажется. Хотя проамериканские тенденции там сильны, но единства в правительстве нет. Отнюдь не все члены кабинета солидарны с идеей безоговорочной поддержки Огано – слишком одиозен. Потом – проснувшееся национальное самосознание, люди не хотят ползти в фарватере американской политики, те слишком много портачат, глупят сплошь и рядом, крикливого торгашества много, а мир вступил в пору особого отношения к самому понятию *достоинство*.

– Министр обороны Луисбурга, однако, заявил о своей симпатии Огано...

– Да, но при этом отказался передать ему партию автоматов, закупленных в Израиле.

– Зачем Огано новая партия оружия? Он получает поставки напрямую из Штатов и из Пекина.

– А *привязывание*? Он просил у Луисбурга оружие для того, чтобы надежнее привязать к себе соседей. А ему отказали. Это – симптом. Мне кажется, что и президент понимает сложность положения, потому-то он и обращался к Грису и Огано с предложениями о посредничестве...

– И?

– Пока Огано отказывается, но, я полагаю, в последний момент он должен будет пойти на диалог.

– С какой программой? Разве у него есть конструктивная программа? Он крови жаждет...

– Обломается, Константин Иванович, обломается...

– С санкции хозяев?

– Пекин, конечно, будет категорически против переговоров с Гриси, Пекину выгодно открытое столкновение. А Вашингтон, мне сдается, в растерянности. Понятно, монополии давят, потеряли рынок, все ясно, но ведь решиться сегодня на драку – сложное дело, тем более что наша позиция совершенно определена: Нагонии будем помогать, как стране, с которой связаны договором.

– Я утром просмотрел выступления американского посла по особым поручениям...

– Что ты от него хочешь, Константин Иванович?! Он человек Нелсона Грина, он обязан говорить то, что тот думает! Но ведь над ним – правительство и администрация, а там тоже далеко не все так едины, как кажется.

– В данном случае я шел по пути аналогий – британское право... Перед началом войны во Вьетнаме выступления американской дипломатии были такими же. Сценарий нагнетания у них разработан точный, я бы сказал, элегантный сценарий. Заметь себе, Иван Яковлевич, что ястребы – в африканской проблеме – жмут на Европу, они очень надеются втащить туда партнеров по НАТО.

– Они это слишком *нажимисто* делают, Константин Иванович, Европа умная стала, здесь политики понимают, что не надо начинать драку в своем доме, пожар войны водою из Янцзы не зальешь. Да и Миссисипи далековато.

– Кого из крупных бизнесменов твои коллеги считают серьезными людьми в Луисбурге? Я имею в виду западных коммерсантов.

– Немцы лихо работают, молодцы. Ханзен очень крепок – это железные дороги, Кирхгоф и Больц – текстиль, автомобили, цемент. Из американцев, пожалуй, наиболее компетентны Чиккерс, Лэндом и Саусер – они представляют Рокфеллера, практически всеохватны.

– А Лоренс?

- Этого я что-то не помню.
- «Интернэйшнл телефоник», – подсказал Константинов.
- Ах да, слышал! Но о нем наши говорят глухо, что-то за ним стоит, какой-то шлейф тянется.
- Глэбб? Такую фамилию не помнишь?
- По-моему, его подозревают в связях с ЦРУ... Коммерция – прикрытие.
- А может, наоборот? – усмехнулся Константинов.
- Верно. Вполне может быть и так.
- Скажи мне, пожалуйста, Иван Яковлевич, утечка информации – по нагонийскому узлу в частности – здорово вам может помешать?
- Об этом я и думать не хочу.
- Мне, к сожалению, приходится.
- Есть сигналы?
- Есть.
- Бесспорные?
- Разбираемся.
- Плохо.
- Да уж хорошего мало.
- Я бы сказал – очень плохо, Константин Иванович.
- Даем противнику возможность рассчитывать встречные ходы?
- Именно.
- Значит, ты полагаешь, что на драку они не пойдут?
- Полагаю, что нет.
- А я думаю, они идут к ней. И начнут. Если только мы им не помешаем. Не обхитрим, говоря иначе. Скажи мне, научно-исследовательские институты от вас получают много материалов?
- Много. Очень много. Иначе нельзя: коли науку держать на голодном пайке информации – толку от нее не будет. А может, провокация? Ошибка исключена?
- Не исключена. Мы этим как раз и занимаемся...
- ...Константинов завез Еремина в МИД, заехал к себе, просмотрел последние телеграммы и отправился на корт – Трухин устроил ему партию с Винтер.
- Я еще только учусь искусству тенниса, – сказал Константинов, – так что не взыщите, ладно? Вы привыкли, видимо, к хорошим партнерам?
- Ничего, – улыбнулась Ольга, и лицо ее сразу же изменилось, стало юным. – «Цирюльник учится своему искусству на голове сироты».
- Как, как? «На голове сироты?» Откуда это?
- Афганская пословица. Вас гонять, или хотите поработать над ударом?
- Я готов ко всему. Только особенно не унижайте.
- Я совершенно не азартна, игра дает великолепную зарядку на неделю, работается вхруст.
- «Вхруст»? – переспросил Константинов.
- Не помните? «Одну сонату вечную, заученную вхруст»...
- Мандельштам?
- Вы кто по профессии?
- Юрист.
- Тогда вы мне непонятны. Сейчас поэзию знают только физики; гуманитарии все больше выступают в разговорном жанре. Ну поехали?
- С богом!

Играла Ольга Винтер действительно прекрасно. Иногда бывает так, что человек, сильный в том деле, где он, как говорят, *кунается*, норовит выказать окружающим свою – определенного рода – исключительность. Это ломает партнеров, принижает их; отсюда – зависть, недоброжелательство, грех, одним словом. Редки люди иного склада: *умение* делает их особо открытыми, идущими навстречу; свое знание они легко отдают людям, испытывая при этом видимую радость, особенно когда заметны результаты такого рода *отдавания*. С такими людьми общение приятно, оно – обогащающе; воистину, всякого рода *отдача* неминуемо оборачивается бумерангом: разбудив в другом талант, ты получишь во сто крат больше, иными гранями, а от них, от разности граней, и твой талант становится богаче, высверкивает всеми оттенками – талантливость, если она истинна, всегда *оттеночна*, только посредственность безошибочно однозначна.

Ольга Винтер давала Константинову шанс, играла аккуратно, без той, подчас смешной на любительском корте агрессивности, которая (так отчего-то считается) необходима и неизбежна даже.

– Я вас не загоняла? – спросила она после первой игры. – Вы меня одергивайте.

– Нет, вы, по-моему, даже слишком снисходительны.

– Я не умею быть снисходительной, – ответила женщина, – это очень обидно – снисходительность: в любви, спорте, в науке.

– Я обратил внимание на эту мысль в вашей диссертации...

– Диссертация – это вчерашний день, – сказала Ольга, и снова лицо ее стало совсем юным. – Нет, правда, я не хвастаюсь, просто когда дело сделано, отчетливо видишь дыры и пустоты.

– Я пустот не заметил, вы очень густо все написали...

– Знаете, густо замешать не трудно, когда два года прожил в стране. Обидно, что наши институты не дают возможность молодым ученым не просто съездить в двухнедельную командировку, это ерунда, а пожить, повкальвать там в поте лица – тогда только будут результаты...

– Накладно, видимо, для государства – я имею в виду валюту.

– Ерунда. Можно работать в библиотеках уборщицами; машину, конечно, не купишь, магнитофон – тоже, но на койку хватит и на кофе с сыром. И прелести западного мира тогда поймешь не со стороны, а изнутри. «Голоса» работают лихо, раньше хвастались, а сейчас поумнели, самокритикой занимаются, себя бранят. Ладно, а то разозлюсь и стану вас гонять – к сетке!

Константинов был хорошим партнером в разговоре потому еще, что умел слушать. При чем он не просто слушал, он жил мыслью собеседника, и в глазах у него был постоянный, умный интерес – такого рода интерес куда как более действенный стимул в беседе, чем словесная пикировка.

– А почему вы остановились на многонациональных компаниях в Луисбурге? – спросил Константинов, когда они садились в его «жигуленок». – Там же, по-моему, американцы лезут *сольно*?

– Это в первых строках моего письма, – ответила Ольга. – Они берут плацдарм, оседают, работают вглубь. Мы-то – вширь, мы – щедрые, обидеть боимся, не требуем гарантий, верим, а дядя Сэм аккуратист, он без бумажки и векселя ни цента не даст, умеет считать деньги. Сначала оседает он, а за ним уже идут многонациональные гангстеры.

...Советуя Константинову лично присмотреться к Винтер – дело-то вырисовывалось необычайной важности, – Федоров преследовал еще одну цель, понятную лишь тем, кто ответственно думал о преемственности поколений.

Федоров, конечно же, прекрасно знал, что в аппарате бытовали разные точки зрения на роль руководителя высокого уровня в той или иной операции. Одни считали, что генералу незачем заниматься *детальями*, есть высококвалифицированные сотрудники, растущие моло-

дые чекисты – они бы, видимо, и сами смогли сделать то, чем сейчас занимался на корте Константинов.

Но, полагал Федоров, в каждом конкретном случае следует точно выверять рубеж между понятиями: *руководство* и непосредственное *участие* в деле. Точное осознание такого рода рубежа и есть стратегия отношений с коллективом.

«Петр рубил корабли, – говаривал Федоров, – так отчего бы генералам не участвовать в оперативных мероприятиях, которые бог знает по какому чиновному табелю о рангах оказались исключенными из сферы их деятельности. И молодежь на них в деле посмотрит: натаска – хорошее слово, тургеневское, стоит ли от него отказываться?»

– Я, быть может, поеду в Луисбург... Согласитесь порассказать – что посмотреть, с кем повидаться?

– Конечно. Вы по какой линии?

– Мы в их портах разгружаем часть товаров для Нагонии, они здорово нарушают срок, а это – подсудное дело.

– Ничего у вас не выйдет. Порты куплены американцами. – Ольга снова оживилась. – Мне кажется, они работают там через мафию. Очень уж похоже. Бары, «макдоналдсы» например, служат американцам впрямую, а их наткано вокруг порта, вокзала, аэродрома немислимое количество. Зотов рассказывал, что мафия в Сицилии царствует потому, что держит порты и аэродромы...

– Зотов – это кто?

– Это человек, которого я любила... Он был... Он мой... Словом, это очень умный и хороший человек. Вам стоит с ним поговорить, он – светлая голова, щедрейший, добрейший Зотов...

– Вы были в Луисбурге в научной командировке?

– Нет, с мужем... С Зотовым. Подбросьте, если располагаете временем, до центра, а?

– С удовольствием. Вы будете самым молодым доктором?

– Ну и что? Не хлебом единым сыт человек.

– Зачем Бога гневите?

– Вообще-то верно, не следует.

– А с кем – кроме вас, понятно, – стоит повстречаться перед отъездом? – спросил Константинов. – Кто в Москве подобен Зотову?

– Таких, как Зотов, больше нет, – ответила Ольга. – Нет и не будет.

– Зотов защитился?

– Нет. Практик. Работал всю жизнь. Да он любому доктору наук сто очков вперед даст, – так он чувствует и знает Африку. Но он рубит сплеча, а это не всем нравится.

– Смотри что рубить сплеча...

– Идеи, – усмехнулась Ольга.

– Опять-таки, смотря какие идеи.

– Долго объяснять, вы ж не были в Луисбурге...

– А с кем из иностранцев стоит побеседовать там?

– В МИДе у них неинтересные люди... Разве что министерство образования... Много молодых, они широко думают.

– А из коммерсантов? Там ведь есть немецкие и американские коммерсанты, которые давно работают и много знают. Я имею в виду крупных бизнесменов, тех, кто заключают серьезные сделки и связаны – поэтому – с серьезными юристами.

– Немцы? – переспросила Винтер. – Я ж не знаю немецкого.

– Там есть Кирхгоф, Больц, Ханзен...

– Верно, я слыхала, но меня они как-то не интересовали.

– А кто из американцев? Саусер, Лоренс, Чиккерс, Глэбб, Лэнсдом?

Винтер посмотрела на Константинова с озадаченным интересом:

– И вы еще просите у меня помощи?! Да вы ж прекрасно подготовились к поездке! Вы назвали имена серьезных американцев, я их знаю... Чиккерс и Глэбб занятные люди, только наши считают их цеэрушниками, но я отношу это за счет атавизма шпиономании.

– Почему?

– Да ну... Шпион, по-моему, должен быть очень умным человеком. А Глэбб льстит, ахает: «О, Советский Союз, какая прекрасная страна, вы нас ошеломляете». Ля-ля это... Не верю людям, которые хвалят в глаза.

– Хуже, когда ругают за глаза.

– Лучше. Если льстят в глаза, чувствуешь себя полнейшей душой, не знаешь, как вести.

– А вы говорите, что он – глупый человек. Вы же испытываете замешательство, следовательно, ведете себя неестественно, а когда человек вынужден вести себя неестественно, он и говорит не то и поступает не так.

– Ладно, бог с ним, с этим Глэббом... Запишите телефон... Я поговорю с моим другом, быть может, он согласится порассказать вам кое-что.

Вернувшись к себе, Константинов сразу же взял папку с корреспонденцией. Особо срочной была помечена телеграмма от Славина:

«Есть ли сведения о Белью, предположительно русского происхождения, работает грузчиком в электросети отеля “Хилтон”, приблизительно шестидесяти лет. Имеются ли сведения на Джона Грегори Глэбба, рожден в Цинцинатти, воевал во Вьетнаме, до этого работал в Гонконге, откуда был отозван после скандала с транспортировкой наркотиков».

Константинов спросил секретаря:

– Ответ в Луисбург ушел?

– По первой позиции отрицательный, Константин Иванович.

– Так-таки ничего?

– Совершенно.

– Белью, Белью... Надо смотреть по Беллоу; Белоф, если предположить русского немца, Белю, допусти мы украинское происхождение, Белов, наконец. Так – широко – смотрели?

– Так – нет.

– Пусть смотрят. Немедленно. А что со второй позицией?

– У нас проходят четыре Глэбба, связанных с ЦРУ. Ричард Пол, тридцать седьмого года рождения, но он не работал в Гонконге, потом...

– Славина интересуют те Глэббы, которые в Гонконге работали.

– Таких двое: Джон и Питер. Но Питер не воевал во Вьетнаме. Следовательно, остается Джон Глэбб. Что касается скандала, в котором он был замешан, то есть лишь ссылка на «Чайша анализиз» и «Фар истерн икономик ревью». Некий Глэбб был задержан полицией в аэропорту в 1966 году, когда британская полиция арестовала людей Лао с чемоданом героина, оцененным в миллион долларов.

– Чемодан – это как минимум три миллиона. Дальше?

– Это было в первом сообщении. Потом имя Глэбба не упоминалось ни разу.

– Когда он попал во Вьетнам?

– В начале шестидесят седьмого.

Константинов усмехнулся:

– Вьетнам для него был словно Восточный фронт для проштрафившихся немцев. По-моему, сходится, нет? Отправили материал в Луисбург?

– Ждали вас, Константин Иванович.

– Напрасно. Пусть сейчас же отправят. Какая у нас разница с Луисбургом? Три часа? Значит, сейчас там семь?

Константинов ошибся. Разница во времени с Луисбургом была иной.

Глэбб

...Глэбб проснулся, словно кто-то ударил его. Он еще не понял, отчего он проснулся, в холодном поту, с ощущением какого-то липкого ужаса. Он закрыл глаза, мало ли какая безделица пригрезится в жару, но в тот момент, когда он закрыл глаза, родились черные, зыбкие цифры: «шесть», «ноль», «семь». Он увидел их так точно и близко, что невольно потер пальцами веки. Открыл глаза, потянулся, посмотрел на часы – без десяти шесть. Он выбросил натренированное тело с кровати, прошлепал вспотевшими пятками по кафельному полу, снял трубку, набрал номер, чувствуя, как трясутся пальцы, дождался, пока на другом конце провода сняли трубку, шепнул еле слышно:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.